

ЛАРИСА СОБОЛЕВА

СЕАНС ГИПНОЗА

ДЕТЕКТИВ
ПО НОВЫМ ПРАВИЛАМ

ТАМ, ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ
С ПРОШЛЫМ, — ВОЗМОЖНЫ
НЕОЖИДАННЫЕ ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ...

Детектив по новым правилам (АСТ)

Лариса Соболева

Сеанс гипноза

«АСТ»

2001

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Соболева Л.

Сеанс гипноза / Л. Соболева — «АСТ», 2001 — (Детектив по новым правилам (АСТ))

ISBN 978-5-17-094827-7

Очнувшись в больнице, Даша узнала, что осталась совсем одна. Мать, муж, сын – все погибли в сгоревшем доме. Выжила лишь она. Да и то, выходит, затем, чтобы в конце концов погибнуть от руки неведомого убийцы, который прокрался в больницу и попытался убить ее... Но кто пожелал смерти Даше и ее близких? Кому могла перебежать дорожку рядовая журналистка, никогда не занимавшаяся сенсационными расследованиями? Может быть, преступники мстили ее мужу? Но зачем – ведь он не бизнесмен, не политик, а всего лишь хирург военного госпиталя... А между тем убийца продолжает охоту за жизнью Даше. Молодая женщина на грани нервного срыва. Как же быть? И она обращается за помощью к единственному, кто у нее остался, – другу семьи Артуру Ивановичу... Книга также выходила под названием «Негр Артур Иванович».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-094827-7

© Соболева Л., 2001
© АСТ, 2001

Содержание

Ниггер	6
А триста лет назад...	13
Государь	19
Душегуб	25
Принц и – нищий	30
Пирь государя	39
У Филиппа Орлеанского	47
Выбор сделан	53
Несчастный случай отменяется	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Лариса Соболева

Сеанс гипноза

© Соболева Л.

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Ниггер

Кому понравятся телефонные трели в четыре часа утра?

Ни-ко-му.

Слипающиеся веки разъединить невозможно, тянешь руку – весом с тонну – к аппарату, палец едва попадает на кнопку, а потому и обычная вежливость улетучивается. Он недовольно, скрипуче произнес:

– Слушаю!

Рядом заворочалась Женя, напомнив, что дома он не один.

– Артур? Артур, ты? Артур! – отчаянно шептал женский голос, который он сразу узнал, узнал бы из миллиона голосов.

Осторожно, стараясь не разбудить Женьку, он встал и ушел на кухню. Просто так Даша звонить в такой час не будет, значит, случилось непредвиденное.

– Артур... Ответь мне! Пожалуйста, ответь!... – заклинали в трубке.

– Даша, это я, – наконец сказал он. – Что случилось?

– Артур... Я не знаю, как объяснить... Меня, кажется, хотят убить... Я прошу тебя... Помоги мне. Срочно приезжай и заведи меня отсюда.

– Ничего не понимаю! Кто тебя хочет убить? За что?!

– Не знаю, – всхлипнула Даша. – Я сама ничего не понимаю. Лежу в больнице...

– Как?! Почему?! Подожди, подожди... А где Игорь, Никитка?

– Они... Они... погибли... Пожалуйста...

Невероятно! Артур потер лицо ладонью, с трудом соображая. На подобные новости нужно время, чтобы их переварить.

– Хорошо, – выдал он, – куда тебе звонить?

– Никуда. Я пробралась в кабинет главврача больницы, где лежу. У меня травма, но это потом... Ты приедешь? Приедешь?

Вряд ли она шутила. Да и кому в голову придет так неудачно шутить? Не Даше, точно не ей.

– Ты приедешь? – без конца повторяла она.

– Конечно, – вздохнул он.

Поедет, несмотря на абсолютную сумятицу в мыслях, только вот...

– Только вот... – с трудом соображал он. – Дашенька, завтра у меня две плановые операции. – На другом конце провода раздались всхлипывания. – Сколько туда ехать?

– На машине часов шесть-семь. Когда ты приедешь?

– Так, дай соображу... Проведу операции, отпрошусь... Короче, как только освобожусь, сразу выезжаю. Вечером. В ночь поеду.

– Возьми у меня дома какие-нибудь вещи, ключ у соседки в пятнадцатой квартире. У меня здесь ничего нет.

– В какой больнице тебя искать? – чуть не забыл он.

– Господи, Артур, это же маленький городок, районный центр, здесь одна-единственная больница. Я тебя очень жду, мне больше не на кого рассчитывать. Ты приедешь?

– Сказал же, приеду! Ты успокойся и жди.

Отключив телефон, Артур посидел некоторое время, постукивая пальцами по кухонному столу. Жарко. Несмотря на далеких африканских предков, жару терпеть не мог. В ванной сунул под кран голову в надежде немного охладиться и привести в порядок мысли – подобные известия с ног сшибают.

– Кто это по ночам звонит?

В зеркале за спиной увидел Женьку, жмурившуюся от света.

– С приятелями неприятности приключились, – ответил, не оборачиваясь. – Иди спать, я сейчас.

Он смотрел на свое отражение, на струйки воды, стекавшие с жестких волос по темному лицу и усам, смотрел, будто видел впервые. Вопрос не стоял: ехать – не ехать, поедет, без сомнения, – Даше нужна помощь. Вопрос в другом: что за события там произошли, заставившие ее звонить среди ночи, плакать, тревожиться и наговорить невозможные вещи?

– Ну вот, – сказал вслух Артур своему отражению, – наконец ты и понадобился, ниггер.

После второй операции он курил, изредка вытирая потевший лоб. Операции ерундовые, но все-таки выматывают, давно пора своим ученикам такую работу поручать. Ведь все равно в твоих руках чужая жизнь... Да чего говорить, иногда человеку выдергивают зуб (зуб, проще и быть-то не может), а он берет и умирает. Так-то.

Устал. Тем более что остаток ночи провел без сна.

Ночной звонок взбудоражил. Дашу хотят убить? Кого? Дашку?! Да еще где? В убогом (Артур там никогда не бывал, но в убогости городка уверен) месте, куда она отправилась с семьей на отдых? Игорь и Никита погибли... Где? Как? Невероятно. Может, у нее слегка крыша отъехала? Тем более надо спешить. А вдруг все, что она говорила, правда? Один процент из ста, все же – а вдруг?.. Если с Дашкой что-нибудь случится по его вине, из-за нерасторопности, он никогда себе не простит... Собственно, какого черта мается? Ведь поедет в любом случае.

Ночной разговор не выходил из головы ни на секунду, но, несмотря на тревожные думы, день промелькнул незаметно, так как в операционной полностью отвлекся. Там Артур вообще становится другим человеком: священнодействующим шаманом, который входит в своеобразный транс над лежащим телом. Операция – дело святое, увлекательное и любимое, даже если является обыденной. Потому-то и считается Артур одним из лучших хирургов. Многие проявляют чудеса изобретательности, чтобы попасть к «негру Артуру Ивановичу». В этом есть свои плюсы и минусы. Плюсы: Артур пользуется огромным авторитетом, часто именно ему достается работа сложная, требующая не только опыта, но и сообразительности, творческого подхода, – за что и любит свое дело; он известен в профессиональных кругах, перспективен. Минусы: как и везде – зависть коллег, а это дрянная штука; бывает, приходится выполнять пустяшные операции «блатным» – работенка по плечу любому стажеру, – которые ни за что не лягут на стол, если их «не разрежет» Артур Иванович, а в то же самое время тяжелый больной ждет очереди, и смерть ему дышит в спину. Еще минус: когда бессилен что-либо сделать и вынужден признать: «Ты не бог».

Он выбросил окурок в форточку и спохватился: пепельница же есть. Натура, однако, у него самая что ни на есть русская: швыряет мусор куда попало. Сзади обхватили гибкие руки. Женька.

– Давай проведем вечер где-нибудь у воды? – зашептала она в ухо.

– Не получится. Сегодня уезжаю.

– Куда?

Он повернулся к ней лицом:

– Звонок ночью помнишь? Надо помочь приятелям.

– Сколько тебя не будет?

– Не могу сказать точно. Отпросился на три дня. Патрон чуть живьем не съел, – усмехнулся Артур. – Ничего, своих «блатных» разрежет сам.

– Жаль. Я уже скучаю.

Поцеловав его в губы, она умчалась. Женька год как работает анестезиологом в клинике (последнее время больницу стало модно называть «клиникой»). После института пристроили родители девушку сюда, дав взяточку... Ну, об этом не стоит упоминать, у каждого свое жиз-

ненное кредо. Женька ничем выдающимся, кроме внешности, не отличается. Как там у «национального» эфиопского поэта А. С. Пушкина:

*Высока, стройна, ровна,
И умом и всем взяла.*

Применимо к ней. Если, конечно, не говорить о профессиональных качествах. Вокруг Женьки мужики круги выписывают, словно коты мартовские, она же предпочла Артура, который, правда, далеко не евнух, к тому же кровь мужская застаиваться не должна. Вообще, в постель к нему многие прыгали, но стоило девушке только попытаться прибрать к рукам заядлого холостяка, Артур убегал от подружек как черт от ладана.

Он быстро переоделся, схватил сумку и легко сбежал по лестнице вниз. По пути заехал в пару книжных магазинов в поисках карты дорог юга России. Бегло изучив купленную карту, отправился за вещами Даши к ней на квартиру.

– Кто? – спросил сердитый старушечий голос за дверью под номером пятнадцать.

– Я от вашей соседки Даши.

Молчок. Явно в «глазок» изучает. Да что ж так долго? Будто не видела его здесь никогда. Щелкнул замок. Второй... Любопытно, какие такие сокровища хранятся старухой за тремя запорами? В дверной щели, закрытой на цепочку, появился недоверчивый глаз. Пришлось объяснять глазу:

– Звонила Даша и просила захватить некоторые вещи, я сегодня еду к ним.

Артур на всякий случай натянул улыбку, а глаз старухи ходил вверх-вниз по нему: кажется, узнала. Неожиданно дверь захлопнулась. И тишина. Улыбка Артура свернулась в кислую мину. Он разозлился. Собрался позвонить еще, но дверь распахнулась, и из квартиры, пахнувшей жареной рыбой (удивительно вонючей), вышла старуха с гулькой на голове из жидких волос и крысиной мордочкой. За ней на площадку прошмыгнул пес жалкого вида и неизвестной породы. «Крыса» протянула ключи:

– Берите, раз просили.

– Вы можете зайти со мной, – предложил Артур.

– Нет уж, мы здесь постоим, – отрезала «крыса».

Понятно, вдруг этот негр (хотя негра он напоминает отдаленно) стукнет по голове и ограбит две квартиры вместо запланированной одной? Усмехаясь, Артур вошел в квартиру Даши. Со стен на него смотрело множество ее грустных глаз. Дашкин сын Никита увлекается фотографией, считая мать суперфотомоделью. Славный парень, не в отца. Есть и фотография Артура рядом с Дашей. Однажды Игорь – ее законный муж – уехал, а у Даши был день рождения, Артур пригласил ее и Никиту в ресторан отметить. Там мальчик и поймал момент, щелкнул обоих.

Не отвлекаться! Что там надо взять? Ничего нет, говорила Даша, значит, брать надо все. На секунду задумался, вспоминая, в какой последовательности и что снимает с женщин. Собирать следует в обратной последовательности. Первое – белье. «А в чужом белье копать непристойно», – думал он, роясь в ящиках комода в спальне. Так, бюстгальтер – в пакет. Трусы с кружевами, следовательно, мужчине принадлежать не могут – в пакет. Далее. В шкафу сугубо летних вещей не оказалось, пойдет и джинсовый сарафан. Все? А туфли? Пересмотрев ящики в прихожей, отыскал белые туфли на высоких каблуках (Дашка ростом невелика, с каблуков не слезала).

– Спасибо, все нашел, – сказал он на лестничной площадке «крысе», сложившей руки на груди и недоверчиво шутившейся.

– Что ж это Даша, поехать – поехала, а вещей не взяла? Чужих мужчин присылает... – проскрипела она недовольно.

Артур пожал плечами, мол, не знаю, отдал ключи и выскочил на улицу. Дома упал на диван, не шевелился, понимая необходимость поспать хотя бы часа два перед дорогой. Ночное путешествие чревато опасностью не только заснуть за рулем, но и нарваться на всякого рода рэкетиоров, новых, так сказать, бандитов. Ворочался часа полтора, потом решительно встал. Наделав уйму бутербродов (спать захочется – жевать будет) и решительно направившись к выходу, все же задержался, рука сама потянулась к телефону:

– Кирилл? Привет. Ночью звонила Дашка, у них там вроде несчастье... Просила срочно приехать за ней.

– А что конкретно случилось? – лениво спросил Кирилл.

– Знаешь, довольно странно... Сказала, что Игорь и Никита погибли, а ее хотят убить...

– Что за чушь! Кому ее там убивать? У матери на отдыхе? Не смейся.

– Думаешь, это смешно?

– Уверен, да. Не драматизируй.

– Я все же поеду, обещал.

– Делать тебе нечего – переться к черту на кулички из-за глупого звонка да еще в жару? Может, поссорилась с Игорем, решила досадить ему, вот и позвонила тебе, а ты готов мчаться неизвестно куда и взять на себя роль отбойного молотка, дабы привести в норму мужа. У женщин часто наблюдаются иезуитские приемы.

– Я как-то не замечал за ней подобного, Дашка, наоборот, скрытная...

– Брось, все они одинаковы.

– Я поеду, – упрямо сказал Артур.

– Ну, как знаешь. Когда отчалить надумал?

– Сейчас выезжаю.

– Совсем с ума спятил, – хохотнул Кирилл. – Ладно, счастливого пути.

«Какого черта позвонил ему?» – думал Артур. Кирилл не поддержал его намерения, наоборот, отговаривал, внес большую долю сомнения... Стоп, разве он сам не сомневался? А если Кирилл высказал верное предположение? Дашка через Артура хочет выместить зло на Игоре... Сложится глупейшая ситуация: примчался к жене друга по первому ее зову. «Ты приедешь? Приедешь?» – вспомнил он отчаянный шепот... Больше не стал сомневаться.

* * *

Артур был рожден от американского негра, в жилах которого уже текла «белая» кровь. Мама заканчивала мединститут. Являясь одной из лучших студенток, правильная и идеологически подкованная, проверенная и перепроверенная органами госбезопасности, была допущена к американским специалистам, приехавшим делиться опытом в области кардиологии. Так и встретилась она с будущим отцом Артура – Энтони. Тот оказался порядочным человеком, силы приложил немалые, стараясь вытащить жену и сына в Америку. Но им не удалось воссоединиться. Энтони смог еще раз побывать в Союзе и увидеться с сыном, но двухлетний Артур встречи не запомнил. Зато сейчас почти каждый год ездит к американскому отцу, у которого давно есть семья. Энтони уговаривает сына поработать в Америке, ведь первоклассные хирурги на дороге не валяются, тем более что аппаратура у них, конечно, превосходит самые смелые фантазии.

Не такой, как все, – познал с детства. Каким бы он вырос, если бы не отчим? Язык не поворачивается называть Ивана Ивановича отчимом. Он стал для Артура другом, отцом, примером для подражания.

Артуру было семь лет, когда мама познакомилась с Иваном Ивановичем. Это произошло летним вечером во дворе их дома. Артур сцепился в драке с двумя мальчишками постарше себя. И хотя он рос крепким пареньком, силы были явно не равны. Мама как раз возвращалась

с работы. Она подошла в тот момент, когда какой-то незнакомец разнимал отчаянно дерущихся пацанов.

В итоге – расквашенные носы, ор, писк и размазанные по щекам слезы. Две мамы уже бежали со всех ног к месту побоища, выкрикивая на ходу угрозы и оскорбления. Мать держала Артура за плечи, прижимая к себе, а тот косился одним глазом на мальчишек и показывал им кулак. Мужчина тронул мать за локоть:

– Пойдемте отсюда.

Не успели сделать и нескольких шагов, как вслед понеслась грубая брань.

– Вам куда? – спросил незнакомец маму, когда покинули двор.

– Да это наш дом, – пробормотала она, смахивая накатившиеся слезы. – Мы ведь здесь живем. – В замешательстве она присела на корточки перед сыном, вытирая платком ему щеки.

– Ого! Да у него ухо стало в два раза больше, – заметил незнакомец. – А ты мороженого хочешь? – спросил он у Артура.

Во дает! Кто же способен отказаться от мороженого? Артур уставился на мать просящим взором.

– Нет, нет, спасибо, – залепетала она. – Вы и так нам... Я вам очень признательна...

– Не стоит сегодня встречаться с теми двумя воронами еще раз, – сказал мужчина и обратился к Артуру: – Тебя как зовут?

– Артур.

– А меня Иван, Иван Иванович, просто и легко запомнить. Я приглашаю тебя в парк, здесь недалеко.

– А маму?

– Само собой. Не откажет же мама двум мужчинам в небольшом удовольствии. Кстати, как зовут маму?

– Алла, – сказал довольный Артур.

Ей пришлось взять сына за свободную руку, так как Иван Иванович, не спрашивая дальнейшего разрешения, взял ладошку мальчика и уверенно зашагал к парку. В кафе Артур слопал порцию мороженого, потом переключился на мамину порцию, а потом Иван Иванович поставил перед ним свою (отец, как выяснилось впоследствии, мороженого терпеть не мог). Короче, повезло. И как это мама не обратила внимания на количество съеденного? Впрочем, Иван Иванович непринужденно болтал с привлекательной и неглупой женщиной, отвлекая ее от поглощавшего мороженое Артура. После кафе катали мальчика на каруселях и гуляли по улицам, а домой попали поздно. Наскоро вымыв ноги, легли в одну кровать. Часто Артур просил мать полежать с ним, пока не заснет. Попросил и в тот раз.

– Мам, Иван Иванович мне понравился, – шептал он, обнимая мать. – Вот бы на тебе женился.

– Не болтай. Мне никто не нужен, кроме тебя, малыш.

Засыпая, услышал еще: «Никто не нужен». То была неправда. Ей нужен был любящий человек, способный оградить от страшного мира, в котором она барахталась, и дать ее сыну если не любовь, то хотя бы дружбу. Взрослый и детский миры оказались в равной степени неприкаемыми. Маленький Артур ничем не мог помочь матери, не пускавшей его в свои печали, а она не могла оградить его от любопытных глаз, а подчас и беспричинной ненависти. Они жили вдвоем, но каждый из них был по-своему одинок. Их мог объединить и внести чуточку радости кто-то третий.

Вечером следующего дня Иван Иванович явился с букетом больших ромашек и коробкой конфет. У мамы почему-то глаза стали круглыми и испуганными, как у совы. Неделию коротали вечера вместе, и вдруг однажды буквально с порога Иван Иванович обратился к Артуру:

– А я пришел проситься к тебе в отцы. Как думаешь, подойду?

– Само собой, – ответил тот, припомнив понравившееся выражение в первый вечер их знакомства.

Ого! Мама сидела безмолвно, не шевелясь. Если бы не краска, залившая лицо, можно было подумать, что она умерла.

– Вы шутите? – еле выговорила она через паузу.

– Абсолютно серьезно, – сказал Иван Иванович.

– Вы же нас совсем не знаете... А мы вас...

– А что за радость жить с человеком, о котором знаешь все? – удивился он. – К тому же вас знаю достаточно. До нашего знакомства я провожал вас от больницы домой не один раз, правда, вы не замечали. Что касается меня... Разве вам я еще не понравился?

– Нет, конечно, понравились... Но...

– Тогда без «но».

– Вы понимаете, что предлагаете? Вы хорошо подумали?

Обстановку разрядил Артур:

– Мам, ну кто ж такое предлагает, не подумав? Соглашайся.

Хохот стоял такой, что Артуру захотелось расплакаться. Не понимая причин их веселья, он сделал собственный вывод: смеются над ним, а этого Артур не любил. Измученная травлей женщина, живущая в неизменном отчаянии, согласилась. Дня через три они расписались, хотя срок со дня подачи заявления до дня бракосочетания должен был длиться месяц. Но Иван Иванович из тех, для кого преград не существует. Любила ли она его? Поначалу вряд ли. Некрасивый, сухощавый, из семьи потомственных юристов, он обладал и обладает удивительным великодушием, порядочностью, твердостью характера и юмором. Адвокат по профессии, никогда не мешал «мух с котлетами». Работа для него всегда оставалась работой, где он проявлял максимум находчивости и решимости, умел запутать всех и вся, выгresti из безнадежных ситуаций. А дом и семья являлись любимым местом, крепостью, где можно расслабиться и позволить себе роскошь оставаться самим собой. Мать Артура он любит до сих пор, и вообще, более теплых отношений между супругами Артур не встречал. Ивана Ивановича нельзя не любить.

После скромной свадьбы день показался мальчику утомительным и полным впечатлений, невозможно одному заснуть – Артур потребовал мать к себе. Но рядом прилег Иван Иванович.

– Ты ведь взял меня в отцы? – начал он.

– Ну? – насторожился Артур.

– Мне будет приятно, если ты станешь называть меня папой.

– Я попробую.

– Попробуй, тебе понравится. И еще. Ты взял меня в отцы, а мама – в мужья. Теперь она станет спать со мной.

– Ты же взрослый, зачем она тебе нужна ночью?

– Вопрос, конечно, интересный... Понимаешь, ты часто видишься с мамой и днем. Я же днем работаю, мне остается видаться с ней утром и по вечерам. И потом, многие взрослые впадают в детство, им тоже хочется засыпать рядом с красивой мамой. Я прошу тебя, как мужчина мужчине, уступить ее мне. Ты скоро вырастешь, женишься и каждую ночь станешь засыпать рядом с женой, тебе будет хорошо. Понял?

– Ага.

Ни черта он тогда не понял, просто поверил на слово. Преодолевая стеснение, утром назвал Ивана Ивановича папой. Особенно нравилось говорить Артуру «папа» и «мама» при большом скоплении людей, вызывая недоумение и любопытство.

– У тебя мама и папа такие беленькие, – спрашивали некоторые, – откуда ты взялся такой черненький?

– От верблюда, – хамил Артур.

Через два года появился брат Иванушка, а еще через три – сестра Катюшка. Тем не менее, казалось, отец любил Артура больше. Он примирил мальчика с цветом кожи, воспитал терпимость к недоброжелателям и достоинство, учил быть мужчиной, а не бесполым и безвольным существом. Чем больше Артур вырос, тем меньше на него обращали внимание посторонние. Почему-то взрослый мулат, разгуливающий по улицам крупных городов, мало кого удивляет, разве что деревенского жителя.

А триста лет назад...

Хлопья снега превратили землю в бесконечный пуховик, по которому вот уже несколько дней неслись на север сани, запряженные тройкой лошадей. Снег сыпал и сыпал, падая ровно, неторопливо, а небо было почти белым. На очередном постоялом дворе карета стала, и, покуда кучер менял лошадей, из нее никто не выходил. Мимо неспешно сновали люди, а мальчонка, одетый по-деревенски бедно, имеющий яркую примету – заячью губу, подбежал к карете, рассматривал ее, ковыряясь пальцем в носу. Вдруг дверца отворилась, и в щели показалась маленькая рука... черного цвета! Мальчонка замер с пальцем в носу, открыв рот. Тем временем черная ручка развернулась кверху светлой ладошкой, поймала пушистый клочок и исчезла.

– Тятя! Тятя! – запищал мальчонка испуганно и надрывно.

– Чего орешь, Левка? – недовольно откликнулся в распахнутом тулупе мужик, возившийся с распряженными лошадьми.

Снова высунулась черная рука, поймала снег и исчезла. Левку будто шилом в мягкое место кольнули, он аж подпрыгнул:

– Тятя! Подь сюды! Тя-тя!

Мужик, сплюнув в сердцах, подошел к сыну:

– Чего стряслось?

– Ктой-то тама?.. В коробе?.. – указал Левка пальцем на карету.

В ту же минуту щель стала шире, и появилось лицо ребенка... черное! Настала очередь мужика ахнуть и остолбенеть. А черное лицо рассматривало черными глазами белое небо и падающие хлопья, затем ребенок принялся ловить снег, подносил к глазам кулачок, разжимал, потом непонимающе выпячивал и без того толстую нижнюю губу, вновь ловил хлопья.

– Тятя, чего это он черный такой? – спросил Левка отца. – В саже извозился?

Услышав голос, черный мальчик перевел глаза на отца и сына, улыбнулся, показывая ровный ряд белых зубов.

– Свят, свят, свят... – произнес мужик, неистово крестясь.

Все-таки падающие хлопья привлекали больше ребенка из кареты, нежели люди, бесцеремонно рассматривающие его, он снял малахай и подставил курчавую голову под снег, затем лицо, жмурился и морщился.

– Пойдем отсюдова... Нечистый в коробе! – сказал шепотом отец.

Схватив за шиворот сына, потащил его подальше, оглядываясь и крестясь.

– Пошто дверь-то открыл, неслух? – послышался из кареты строгий мужской голос. – Без того студено.

В следующий миг рука взрослого человека цапнула за одежду черного ребенка и грубо вернула в карету, затем захлопнула дверцу.

– Трогай! – крикнули снаружи.

Карета вновь понеслась по бескрайнему снежному морю.

Уткин Степан, приказной человек при купце Рагузинском, измаялся в длинной дороге из самой Турции, которая пролегала не напрямки через море и Азов, а окольным, сухим путем. Он вез двух арапчиков к царскому двору, братьев по крови, двух сыновей эфиопского князя, которых Рагузинский промыслил с великим страхом от турок и опасностью для жизни. Царь Петр возжелал, чтобы ему доставили в Константинополь нескольких арапчат, отписал в Турцию, а Рагузинский сошелся правдами и неправдами с управляющим сералем, где содержались и обучались слуги султана, и выкупил трех понравившихся мальчиков. Арапчики при дворе – дань моде, которая пришла не только с Востока, а и с Запада, где при дворах королей и знатных вельмож находились в услужении чернокожие рабы.

Уткин поуютнее устроился в карете, укутавшись длинношерстной шкурой, уставился на Ибрагима, а тот упорно изучал свою ладошку.

– Сколь тебе говаривать, – сонно пробормотал Уткин, – то снег. В руках тает, потому как снег он.

Ибрагим не понимал русскую речь. Он разумный, ловкий, любознательный. Завидев падающий снег, пришел в великое изумление и на кратких стоянках норовил потрогать его руками и языком. Второй – злой, затаился в углу кареты и только белками глаз ворочал. Третий... скончался по дороге! Простудился и помер. И чего теперь государю говорить? Ох, не погладит по голове, кабы вовсе ее не снес. Вина ведь на Уткине: недоглядел! Арапчики солнцем прожарены, оттого и черны, Рагузинский наказывал в тепле их содержать. Да разве ж Уткин мог предположить, что российские земли окажутся губительны для арапчат? Не послушал Рагузинского и... везет теперь двоих! Вдруг лик его посветлел, он сказал вслух: «А скажу-ка я государю, что арапчик захворал черной оспой! От нее и помер».

Но, подумав, вздохнул тяжело: «Ну да, а государь скажет: “А как же ты, Уткин, и енти арапчики не захворали? Нешто я дурак? Обмануть меня вздумал?” Не миновать мне плетей».

У Степана заранее ныла спина. Он поежился и уставился на арапчат исподлобья и с неприязнью, будто они виноваты, что третий умер. Старший дремал – дорога убаюкала, а младший – вертелся, вертелся... Путешествие подходило к концу, а радости возврата на родину нет. Сколько страху-то натерпелся Уткин! Одно то, что вез украденных у султана арапчат через турецкие земли да с посланиями тайными, грозило... Уткин перекрестился, вознося благодарение господу за защиту.

От неподвижности занемело тело, да холод пробирал в немецком платье, не помогали ни шубы, ни шкуры. Однако дельная мысль пришла в голову Уткина. Если Петр спросит про третьего арапчика, Степан скажет, что помер тот от оспы, и на том стоять будет да крест целовать, а если не спросит, так и докладывать незачем. Немного успокоившись, Уткин задремал.

Ибрагим сначала скреб пальцем по стеклу, дабы очистить его от морозного узора и смотреть в окошко, но вскоре уgomонился, притих. Его головка была полна впечатлений, а живой ум силился понять происходящее. Закутавшись в медвежий мех, он тоже смежил веки. Чем дальше на север простирался путь, тем чаще он видел раскаленный песок под палящим солнцем, которое яростно лизало кожу, множество людей, таких же черных, как он, свободно разгуливающих по родному городу Логону, любимую сестру красавицу Латану, тоже плененную турками... Она прыгнула в море за кораблем, увозившим братьев до ближайшего острова, и плыла, плыла... а расстояние увеличивалось... Вспомнив сестру, Ибрагим заплакал, но очень тихо, чтобы никто не услышал...

* * *

К родному городу Даши Артур примчался на рассвете. В такой час бесполезно кружить по улицам в поисках больницы, да и кто пропустит к больной? Он выбрал удобное место недалеко от дороги, остановил машину среди кустарников и деревьев. Ныла спина и шея. Размявшись, Артур понаблюдал за бледнеющим небом и зачарованно слушал крики петухов. Устроившись удобнее в джипе, задремал с мыслями о Даше...

Давно он не ловил на себе пристальные и удивленные взгляды. Даже забавно стало. Людей можно понять: мулат на запыленных дорогах деревни... пардон, городка, – невидаль еще та. Больницу оказалось найти раз плюнуть. Вообще, городишко можно проехать насквозь минут за пятнадцать, по предположению Артура.

– Веремеева, к тебе пришли, – сообщила раздатчица еды, поставив на пол два эмалированных ведра и вытирая грязным фартуком потное, красное лицо.

– Кто? – спросила Даша.

– Ну... Эта... Негра какая-то... Ой, боже ж мой! Куды ж ты скачешь?

Даша взлетела с кровати, на ходу набрасывая халат, ринулась из палаты, не слушая причитаний. Уткнувшись лицом в грудь Артура, она плакала навзрыд, тот гладил ее по волосам и плечам, приговаривая:

– Даша, ну все, все. Я приехал, обещал и приехал. Успокойся. Пойдем?

– Нет. Не хочу объясняться со всеми этими... врачами и остальными. Хочу смыться потихоньку. Ты на машине?

– Конечно.

– Поставь машину квартала за два вниз, – указала она рукой направление, – и жди. Я приду через полчаса, хорошо?

– Понял.

Она удалялась к корпусу. Ну и видок! Застиранный халат с чужого плеча, тапочки без задников, бабушкина радость (допотопней трудно отыскать), из-под халата торчит ночная рубашка в цветочек. На голове заметил почти зажившую рану, вокруг которой грубо выстрижены волосы. Осунулась, бледная, с синими кругами под глазами... Но это была Дашка.

А в окнах друг над другом в пятиярусном расположении лица. Лица любопытные, нахальные, переговаривающиеся, глядевшие на Артура во все глаза. «Дикари», – подумал он и направился к выходу из больницы.

На втором этаже Дашу обступили женщины:

– Это кто ж такой?

– Друг, – ответила она.

– Ну да! А чего черный негр?

– Мулат.

– А из какой страны?

– Из нашей.

– Да ну! А чего он здесь делает?

– Проездом.

– А чего обнимал тебя?

– Руки есть, – злилась Даша.

– Ох, говорят, негры палки кидают... мечта! – потягиваясь, сказала моложавая и краснощекая толстуха.

– Какие палки? – не поняла Даша.

– Не знаешь? Да ты баба или девка? – хихикала краснощекая. – Ну, в койке бабам. Мне бы сейчас этого негра... я бы его ухайдокала.

От хохота едва не разлетелось здание.

– Тьфу, бисови девки! Штоб языки у вас поотсыхали! – замахала клюкой бабка в беленьком платочке и в шерстяных чулках (в жару-то!). – Штоб вам повылазило, паскудницы! Ах, срамницы! Тьфу, прости господи!

«Бисови девки» тряслись, хохоча и повизгивая, Даша хмурилась.

– А ты пробовала? – спросила краснощекая, когда хохот пошел на убыль.

– Что?

– Негра этого? Как мужик он как, а?

– Отстаньте, у меня голова болит.

Она вырвалась из круга обступивших женщин, в палате упала на кровать ничком. Глупые и беспардонные бабы вывели ее из равновесия. Вот уж простота идиотская... Пожалуй, впервые двуногие раздражали. Ей приходится много встречаться с разными людьми по долгу службы, находить с ними общий язык, но сегодня Даша готова была убить любопытных дур. Полежав некоторое время, она встала, выскользнула из палаты, в коридоре ее окликнула медсестра:

– Ты куда? Скоро на процедуры.

– На воздух. Душно.

Побродив по двору больницы, стараясь попадаться всем подряд на глаза, Дарья ускользнула. Артур ждал в машине в условленном месте. Возле него крутились два голопузых мальчугана лет восьми-девяти с грязными разводами на животах. Даша забралась на заднее сиденье, поцеловала Артура в висок со словами благодарности. Он протянул пакет:

– Переодевайся.

Она брезгливо сбросила больничную одежду... В зеркале над лобовым стеклом заметила два пристальных глаза...

– Пожалуйста, не смотри, – смутилась она. – Расческа есть?

Он передал массажную щетку, повернувшись к боковому окну. Через пару минут Даша пересела на первое сиденье:

– Сначала ко мне домой. Я покажу дорогу.

Все же есть в ней нечто особенное, правда, Артур не может определить – что.

Были у него женщины намного красивее, любившие его, а внутри замирает только при появлении Дашки. Странно. Так что же в ней такого необычного? Вот сейчас она задумалась в напряженно-нетерпеливой позе, похожая на картину неизвестного русского художника, на нее хочется смотреть. Минуту назад словно из дореволюционного приюта вышла, теперь же совсем другая... И коса через плечо... Да, есть старомодность в этих длиннющих волосах, но очаровательная старомодность. Обычно она закручивает волосы на затылке, закалывая шпильками, которых сейчас у нее нет. Это не та женщина, которая легко заводит романы и так же легко их разрывает. Может, его и привлекает недосыгаемость? Крепость взята – и потерян интерес, такое возможно? Вполне. Так было не раз. Только в данном заболевании кроются более серьезные причины. Он отвел глаза от нее и включил зажигание. Да, по российским путям-дорогам даже джипу делать нечего, однако Артур уверенно колесил то по узким улочкам, то по бездорожью, размытым дождем. Даша свернула больничные тряпки в узел и выбросила в окно.

Подъехали к пепелищу. Достаточно беглого взгляда, чтобы определить силу пожара. Вот это горело! Огонь выел все без остатка, кроме кирпичной кладки и железных балок с перекрытиями.

– Дашенька! Даша!

Из соседнего дома выбежал навстречу пожилой мужчина, крепкий на вид, с загорелым лицом, обнял плачущую Дашу, без конца повторявшую:

– Господи, как это могло случиться? Дядя Юра, как?

– Проводка, сказали, загорелась, – прослезился и дядя Юра. – Я до ветру вышел ночью, смотрю – полымя. Всех соседей поднял... Ведра давай наливать... Кинулись «пожарку» вызывать, а телефон только в соседнем дворе, у Жужелицы. Стукали-стукали, а она тетеря глухая... Еле достукались. «Пожарка» приехала, а тут такое творилось... Хорошо, ветра не было, а то бы и соседние дома... Мы как могли... Тебя только и вытащили, в окошко билась ты. Стекло разбили и вытащили. А оно – сквозной, видать, потянул, – пока тебя тащили, за тобой так зажглось, не приведи господи. Вот так. Мать твою, бабу Галю, нашли в коридоре уже потом... Знать бы, что вы вместе были... Всего-то дверь надо было вышибить. Да кто ж знал? А тебя вот... В окно ты билась, Даша, звала меня.

– Боже мой, ничего не помню, ничего, – простонала она.

Во время рассказа Артур бродил по выгоревшему дому. Неподалеку слышалось бреньканье гитары и нечто вроде песни:

А я морячка, на море волны.

Я капитана люблю, нет силы...

Налей-ка выпить, спою я песню...

– О, Зойка-пропойка с утра глаза залила, – грустно сказал дядя Юра. – Концерт вам по заказу. Опять дочку позорит.

Наискосок от них на куче песка сидело подобие женщины в морском поношенном кителе и капитанской фуражке. Зойка-пропойка беспорядочно била по струнам, создавая немислимую какофонию и выкрикивая нараспев фразы, не имеющие никакого отношения к песне. Наконец Зойка-пропойка встала, почесала тощий зад, ухватившись за высокий забор, подтянулась и, положив подбородок поверх забора, заорала на всю улицу:

– Людка! Людка, подлюка, витчини калитку! Ты дома, я знаю. Витчини, говорят! Я тебе мать или не мать? От гады! Предатели! Я в КГБ на вас напишу! Не имеешь права. Должна мать... – Бум – упала, быстренько поднялась и вновь повисла на заборе. – Мать обязана кормить-поить! Людка, подлюка!..

Артур отвернулся. Чего только не насмотришься в нашей замечательной стране, каких экземпляров не встретишь! Калитку никто не «витчинял», и Зойке-пропойке пришлось, замысловато перебирая ногами, начать отступление с привычной позиции под забором. Увидев Артура, она остановилась как вкопанная.

– Тю!.. Не допила! – завопила истошно Зойка-пропойка, кинувшись к родному забору: – Людка! Людка, дай выпить, матери мерещится! Людка! Выпить дай, подлюка!

– Вы уж простите, – извинялся перед Артуром дядя Юра, – она запойная, пропойка, словом. И дочку позорит, а та дивчина хорошая. И как земля таких носит? Баба Муся человеком была – сгорела, а тут алкашня ненасытная, худо только от нее, а живет себе...

– Земля всех носит: и хороших и плохих, – вздохнула Даша. – Пусть живет, места всем хватит, да и вам же веселее.

– Вы говорили, проводка загорелась, а кто определил? – спросил Артур.

– Ну, так... Пожарные сказали... И милиция.

– Вы видели ИХ? – тихо спросила Даша.

Дядя Юра замер, опустил глаза в землю, понимая, о ком она спрашивает, но ни о чем больше поведать был не в силах. Смахнув слезу, прошептал:

– Что ж тут поделаешь... Ты благодари бога, что сама осталась жива...

– Мне его не за что благодарить. Вы видели их?

– Да. При мне всех троих вынесли... – с трудом выговорил дядя Юра. – После уж, когда потушили. Дашенька, сначала угорают... Вот. Не чувствовали они... А братец твой Ромка схоронил. Деньги мы собрали... На работе ему помогли... Такие дела, значит...

Даша двигалась по дому молча и без слез. Только изредка, когда воображение особенно сильно рисовало страшные картины пожара, она с шумом вдыхала воздух, задерживая его в груди, пока не начинала кружиться голова. Этот способ дыхания позволял не впасть в истерику. Она вернулась к мужчинам, у ног которых вился Дружок, собака матери. Заметив Дашу, пес жалобно заскулил, завилял хвостом.

– Ты жив, Дружок? Повезло и тебе... – гладила его она, присев на корточки. Вдруг огляделась. – А где машина?

– Какая машина? – не понял дядя Юра.

– Наша. Мы приехали на машине, где она? Стояла здесь, где мы с вами стоим, во дворе...

– Ну да, помню. Так это... Не было тут машины. Пожар тушили, я по двору бегал... другие тоже... А машины не было...

– Странно, – нахмурилась она. – Артур, поехали. Прощайте, дядя Юра.

На пожилого человека, смотревшего им вслед, Даша ни разу не оглянулась, словно отрезала прошлое навсегда.

По центральной аллее кладбища, поросшего деревьями, которые закрывали кронами последнее пристанище, образовывая густую тень, Дарья почти бежала. Свернув где-то на середине, петляла между оградками и могильными плитами, потом остановилась перед тремя хол-

мами с деревянными крестами. Сразу видно, захоронения недавние, одновременные. Земля на могилах покрылась растрескавшейся коркой, цветы давно увяли. Артур прочел: «Веремеев Игорь Нико...», «Веремеев Никита...» На третьем холме табличка с женским именем. Даша упала на колени, сложила руки у лица, тихо плакала... Наконец Артур начал кое-что понимать. На эти хрупкие плечи свалилось страшное горе, невыносимую боль, должно быть, чувствует Дашка. А он еще сомневался – ехать или нет. Артур присел рядом, обнял ее за плечи, утешал как мог:

– Дашенька, ничего не изменишь. Я хотел бы тебя утешить, хотел бы успокоить, но где те слова, которые тебе помогут? Даша, боль пройдет, она всегда проходит, поверь... Тебе трудно, я буду рядом, помогу... Сейчас лучше расскажи мне...

– Я не знаю, что рассказывать, – всхлипывала Даша. – Это может показаться смешным, но я ничего не помню.

– Давай то, что помнишь. Почему ты думаешь, что тебя хотят убить? Знаешь, по телефону это прозвучало нелепо.

– Знаю. Я ничего не понимаю, и это правда. Но я видела его... Он приходил меня убить. Никогда его не встречала раньше. За что? Я не занимаю важного поста, у меня нет заклятых врагов, я не миллиардер, в конце концов, а просто журналист, но не вела жутких расследований... Так за что? Пойми, я не сошла с ума. Ты мне веришь?

– Верю, – гладил ее по плечам Артур. – А когда в окно стучалась во время пожара, помнишь?

– Нет! В том-то и дело, нет!

– Хорошо, хорошо. Успокойся. Дашенька, давай так. Ты приехала к матери, до какого места помнишь?

– Застолье... Расходились гости... И все. Потом сразу больница.

Государь

В парадную залу Головинского дворца в Немецкой слободе ворвался вихрем человек огромного роста, однако он был заметно узок в плечах, в простой и далеко не новой одежде, с добродушным лицом и удивительно живыми, огненными глазами. Он задержался на мгновение, оглядывая хозяйским глазом залу, где присутствовали одни мужчины, расположившись группами по всему пространству залы. Все, завидев государя, склонились в легком поклоне, приветствуя царя, а тот остановил взор на двух арапчиках, пугливо озирающихся. Обоих держал за руки Уткин с виноватым и молящим выражением глупых глаз. Петр широко заулыбался и зашагал в конец залы, где для него было приготовлено кресло, у которого и стоял Уткин. Царь напрямик направился к черным мальчикам, на ходу давая отмашку склонившимся в поклоне, мол, вижу ваше приветствие, довольно. Ибрагим инстинктивно втянул голову в плечи, завидев приближающегося великана, но почти сразу перестал бояться его, так как великан подхватил мальчика сильными руками, поднял вверх, раскатисто расхохотался и чмокнул в щеку. Старшего брата Петр потрепал за подбородок и запустил пальцы в курчавую голову. Вельможи по-разному реагировали на новую причуду Петра – арапчат. Старый князь Долгорукий не удержался, буркнул себе под нос брезгливо:

– Эдакого чернушнего облобызать... Тьфу!

Но тут же воровато огляделся по сторонам, ибо в своре собачьей рот надо держать на замке, всегда отыщется мерзавец, который донесет государю всякое случайно брошенное слово, да еще приврет с три короба, а там уж какой настрой у Петра будет, плохой – не возрадуешься. Однако слова князя были услышаны боярином Вяткиным, но на сей раз он поддержал Долгорукого:

– Твоя правда, князь. И создал же господь породу такую страшную – глядеть тошно. На что сии арапчата государю? Людей пугать?

– Нынче мнения нашего не спрашивают, – тихо подал голос князь Борятинский, – нынче на все наши рассуждения одно слово у государя – варвары.

Все трое сокрушенно и разом, но очень тихо, вздохнули. А Петр, оглядев довольным взором подданных, произнес, широко улыбаясь:

– Хороши арапчики! Угодил Рагузинский! Чем же выделил он этих отроков от иных?

Первый порыв Уткина Степана был бухнуться в ноги государю по привычке и ударить челом в пол. Но он вовремя спохватился, ибо Петр кнутом отучал от раболепия. Неуклюже склонившись в немецком поклоне, Уткин отвечал царю:

– Оба арапчика, государь, роду княжеского и весьма смышлены. Папаша ихний ефиопский князь али султан был, иначе погиб в битве с турецким султаном. Дети еного ефиопского князя взяты были в полон и привезены в Константинополь для обучения в серале на па... па... – Степан Осипович нахмурился, припоминая вроде и немудреное, а все ж непривычное слово. – При султане прислужники...

– Пажи, – подсказал Петр.

– Истинно так, – обрадовался вспотевший от напряжения Уткин. – Потому как негоже отроков царского роду употреблять на тяжелых работах.

– Что сам Рагузинский? Скоро ль пожелует? – спросил царь.

– Поручения твои выполняет, государь, а племянника с товаром уж отправил в Азов, туда вскорости и сам прибудет, коли на то будет божья воля. По нашему счету, должен в конце генваря предстать пред очи твои светлые. А покуда прими послания от него.

Царь выхватил письмо, торопливо вскрыл. Быстро пробегая глазами написанное, спросил:

– Отчего не вижу третьего арапчика?

Уткин задержал дыхание, кровь бросилась в голову, но он мужественно и нагло врал:

– Третий, государь великий, захворал черной оспой. Я вовремя спохватился и ентих мальцов удалил, потому и целы оне, а третий... помер. Уж прости раба твоего, Уткина...

– Ладно, – сказал царь, продолжая читать послание. – Все под богом ходим. Арапчат уведите, я сам проверю, на что они пригодны.

Уводя мальчиков из залы, Степан Уткин чувствовал, как у него выпрыгивало сердце от счастья: пронесло! Петр читал, дворяне ждали.

– Уффф! – недовольно произнес боярин Вяткин.

– Чего вертишься? – раздраженно и тихо бросил через плечо князь Долгорукий, ему надоело стоять, ведь никакого уважения теперь к древним родам нет, стой – хоть лопни! А молодой царь сидит!

– Да енти чулки бабьи спадают и по ногам закручиваются, – ответил Вяткин таким же раздраженным шепотом.

– Мда... Обрядил нас Петр в срамное немецкое платье, – подал голос князь Барятинский. – Я тако ж привыкнуть не в силах.

– Платье как платье, – надменно приподнял брови неизвестно откуда взявшийся Шереметев. – Легко в нем пребывать, глазу приятно, не то что недавно: три рубахи на теле, шаровары да сапоги, кафтан и ферязь до пят. Неуклюжими хаживали, аки бочки.

– Оно так, – согласились на всякий случай Вяткин и Барятинский. – Одначе холодно. Поддувает снизу.

Старик Долгорукий хмурился. Не нравились ему ни новые порядки, ни новое платье, ни иноземцы – любимцы Петра, на их иноземный лад перекраивалась Русь. Теперь нате: чернотеликих завозит царь. Что дальше-то будет? Но князь промолчал, только шикнул:

– Нишкните! Государь говорит.

– Ну, вот что я вам скажу, – заулыбался Петр. – Достали мы таки султана. Рагузинский пишет, что Ахмед III недоволен нашим строительством крепостей Каменного Затона, Таганрога и Троицка. Однако не решается против нас открыто выступить. Вот уж турки и побаиваются нас! Да не то еще ждет султана!

И Петр громко, раскатисто расхохотался, остальные ему вторили.

Ибрагим долго не засыпал на новом месте, а устремлял большие глаза в темноту и видел там каждый прошедший день. «Отчего бледные люди севера так пугались меня и брата? – думал он с обидой. – Отчего добр и терпелив только султан Петр? Почему остальные к нему немилостивы и полны ненависти? Почему ребяшня, с которой поиграть охота, с визгом разбегаются, а то и камнями швыряется?»

Неглупый мальчик понимал, что он слишком отличался от всех в этой суровой северной стране, где люди холодны, как снег. И понимал также, что никогда он не увидит барханы пустыни, которые манят и зовут, поют протяжные песни и сливаются с горизонтом. Никогда не будет он прыгать в лазурное море, отражающее небо, не приласкает его сестра Латану. Постепенно Ибрагим забывал ее облик. Он крепко зажмурился, силясь восстановить лицо сестры...

Скрипнула дверь... Кто-то проскользнул в комнату, где спали братья... Привыкшие к темноте глаза Ибрагима разглядели силуэт тощего человека. Он тихо заговорил... Слов мальчик не понимал, но учуял враждебность в голосе мужчины. Насторожился...

– Господи, – шептал незваный гость. – Укрепи дух мой и вложи силу в десницу карающую, ибо во славу твою совершаю сие, дабы уничтожить антихристово племя.

Он приблизился к ближней кровати, на которой спал Ибрагим, замахнулся. В мгновение ока мальчик подскочил и вцепился наугад в занесенную руку. Холодная сталь слегка поранила ему висок, рука с ножом оказалась много сильнее... Тогда Ибрагим закричал. Проснувшийся брат, толком не разобрав, что происходит, прыгнул с воплем ужаса на спину человеку. Ворвались стражники с факелами...

* * *

– Вы меня слышите? Вы слышите меня?

Настойчивый женский голос резал виски. Даша недовольно сдвинула брови, попыталась тряхнуть головой, отогнать, как комара, назойливый, незнакомый голос. Голова оказалась неимоверно тяжелой, едва-едва повернулась. Даша приоткрыла глаза. Сначала появилось темно-серое пространство, оно быстро светлело, потом из этого пространства проявилась фигура женщины в белом халате и поварском колпаке. Стерильно чистая повариха? Откуда она? Еще одна повариха стояла рядом, совсем молоденькая, что-то делала с рукой... Это столовая? А что Даша делает в столовой? Слабость и тяжесть в теле, шум в голове тормозили мысли... Молоденькая повариха сказала неразборчивую фразу, повариха постарше удовлетворенно отметила:

– Давление сносное. Прокапай ей раствор...

Вновь непонятные слова. Даша сосредоточилась на месте своего нахождения, но, кроме потолка и голых стен, ничего не рассмотрела. Да где же это она находится?

– ...внутриенно, – дошел до нее голос старшей, – а внутримышечно димедрол. Записала?

Даша догадалась: это больница, перед ней не поварихи, а врач и медсестра. В руку укусил комар. Хотела она прихлопнуть комара, но неожиданно потянуло в сон, растаяла тяжесть...

Разбудил ее голод. Даша хотела сразу встать, но слабость, тупая боль в боку при первой же попытке пошевелиться и головокружение удержали на месте. Лежала она головой к раскрытому окну, а там щебетали птицы. Такое оживленное щебетание бывает только по утрам, следовательно, сейчас ранний час. Напротив похрапывала женщина очень больших размеров. Вспомнились чьи-то слова: женщины юга отличаются крупными формами и ценятся за это. При каждом повороте койка под соседкой кряхтела и скрипела, стонала и визжала. «Неплохо бы запомнить, – подумала Даша, – кровать стонет и визжит... Хороший образ. Сразу представляется туша на панцирной сетке. Пригодится... Собственно, почему я здесь? Где все мои?» Как давнишний сон, припомнила поездку к матери, как по очереди с Игорем вели машину, поссорились, впрочем, они ссорятся часто. Затем была шумная встреча, застольные песни на пределе голосовых связок... Далее – ноль. Ну и ну! Так ведь не бывает: тут помню, а тут не помню. Неужто ее накрыла модная «телевизионная» болезнь – амнезия? Смешно, ей-богу.

Даше удалось сесть. Осмотрелась.

Палата четырехместная. На оставшихся двух койках лежали жуткого вида полосатые матрацы с высохшими пятнами и потеками. Белые стены давно потеряли голубоватую белизну, растрескались. Четыре тумбочки и единственный стул тоже неприглядного вида. «Куда ни ткнись, кругом трещины, потеки, грязь», – думала она. Стены начали плавать.

Даша осторожно легла. Дыхание и сердцебиение участились, а спина, лоб и грудь покрылись испариной, слегка тошнило, но, видимо, от голода. Она приподняла простыню. Абсолютно голая. На боку марлевая повязка, заклеенная пластырем. Да что с ней произошло? А за дверью все чаще раздавались шумы, кряхтенье, звон склянок, шарканье ног. Проснувшись и женщина напротив:

– Ну? Как живешь-можешь? Тяжелая ж ты была... А у меня аппендицит, не сегодня-завтра выпишут. Тебя как зовут? – приветливо улыбнулась соседка.

– Даша. – Она ли назвала свое имя? Это же совсем не ее голос.

– А меня Таисия, Тая. Огурчика хочешь?

– Хочу.

Тая несколько раз раскачавшись (видимо, разгон брала, такой туше сложно сесть моментально), наконец села, перебросила ноги, словно через барьер, на пол. Достав из тумбочки

два темно-зеленых огурца в пупырышках, один протянула Даше. Челюсти разучились жевать, разом заболели все зубы. Проглотив почти не пережеванный кусок, Даша лежала без движений, отдыхала.

– На мне как на собаке заживает, – весело говорила Тая. – Но я переживаю. Знаешь, врачи наши какие? Часто забывают у нутрях. Вот недавно одному сделали аппендицит, как у меня, и забыли в брюхе ножницы. Он ходил-ходил, мучился-мучился, а бок колет. Думал, не то вырезали. Второй раз резали, ножницы достали. Честно-честно. А одной бабке знакомой пупковую грыжу вырезали, а через месяц из шва кусок резиновой перчатки вылез. Правда-правда. Вот и я боюсь. Тебе сколько лет?

– Тридцать один.

– Тю! Мне двадцать восемь, а я на больше тяну. Толстая потому что. Но мужику моему нравится. Знаешь, как он про меня говорит? «Жопа, как братская могила, обнимешь, и плакать хочется».

Тая заразительно и громко рассмеялась, а Даша, чуть подавшись веселью, почувствовала боль в голове и резкие, волнообразные приливы крови в ритм с сердечным пульсом. Она замерла, пережидая неприятные ощущения.

– Нельзя тебе смеяться, – посочувствовала «братская могила», – сотрясение потому что. Главное, кости целые, а мозги на место станут.

Даша прислушалась к себе. Сотрясение? Да, натурально мозги отстают от черепа. Вспомнить бы хоть что-нибудь...

Начался утренний обход. Сначала осмотрели Таю, которая канючила отпустить ее домой.

– Женщина, отдохните. Что вы в рабство спешите вернуться? – строго сказала врач. Стоило Даше открыть рот, как она ее резко оборвала: – Больная, не разговаривайте, вам нельзя.

Процедура оказалась нудной и тягучей, автоматизм медперсонала раздражал. После обхода вломилась крикливая тетка, держа тарелки с размазней, сунула их больным. Даша запихнула в себя две ложки невкусной манной каши и настолько устала, что у нее не хватило сил поставить тарелку на тумбочку, оставила на животе, слушая сквозь сон Таю.

Через два дня выписали говорливую соседку, пообещавшую навестить Дашу и принести вкусностей, а то на больничных харчах ноги можно протянуть. По-прежнему не разрешали разговаривать, однако объяснили, что ушиблась она сильно головой при падении, еще напоролась на острый предмет боком (предположительно осколок стекла), но рана неопасная, стекло в брюшную полость не проникло, а, наткнувшись на кость, скользнуло вдоль и насквозь проткнуло бедро. «Где моя семья?» – спрашивала Даша. «Не велено пускать, волнения противопоказаны», – отвечали ей. В «камеру» – так она окрестила палату – поселили девушку Асю с травмой ноги, еще древнюю высохшую старуху с переломом бедра. Узнав, что Дашу вытащили из горящего дома, обе поведали о недавнем случае: ночью загорелся дом, сгорела вся семья, никого не удалось спасти. Пожарная хроника не занимала, Дашу больше волновало, где Игорь и Никита, которых к ней, видимо, не пропускали. Принесли передачу: фрукты, жуткого вида халат, ночную рубашку и тапочки. В этом даже в туалет противно ходить. Черт, почему не ее личные вещи принесли, а чужие? Причем записки в пакете с передачей не оказалось. Когда же ей разъяснят наконец, что произошло?

– К вам посетитель, – обрадовали на следующий день.

Приготовилась встретиться с мужем или братом Романом... Но в «камере» появился с деловым видом и тупейшей физиономией потный мент. Он долго устроивался на единственном стуле, раскрыл папку, взялся за авторучку. Неужели писать умеет?

– Вам предстоит ответить на несколько вопросов.

Начал торжественно, как будто собирался зачитать обвинительное заключение. Необъяснимо екнуло сердце, забилося в неясном предчувствии. Врач стояла у дверей с непроницаемым лицом. Дурдом какой-то.

- Как показал ваш брат, вы с мужем и сыном приехали к матери вечером третьего июля...
- Простите, – перебила Даша, – а какое сегодня число?
- Двенадцатое.

Ого, больше недели, а казалось... Суть вопросов Даша понимала плохо, отвечала чисто механически.

Пили? Да.

Что, сколько, с какого и по какое время? Не помню.

Причины возникновения...

Внутри беспокойно ныло.

– Где моя семья? – неожиданно спросила она.

– Ну... Сгорели... Все, – развел руками милиционер и виновато добавил: – А вы разве не знали?..

Врач отчаянно всплеснула руками и по-бабьи охнула. Милиционер оглянулся на нее, та с упреком произнесла:

– Я ведь просила вас...

Этим-то рукам, взметнувшимся вверх и ударившимся о бедра, поверила Даша, а не милиционеру, неосторожно ляпнувшему правду. На мгновение в палате застыла тишина. Воображение воссоздало картины: горящий дом, Никитка, мама, Игорь... охваченные огнем...

Милиционеру пришлось навалиться на бившуюся в истерике Дашу. Врач и Ася держали руку, медсестра вводила в вену препарат. Голоса, крики...

А мир вдруг встал набок. Вместе с Дашей все суетились на вертикали. Где-то она видела подобное. Животный ужас, охвативший ее, заставлял вырываться, а желание сорваться с вертикали стало главным. Сорваться и лететь, ведь там, где-то внизу, будет один удар... удар мгновенный. Он оборвет невыносимую боль, рвущуюся изнутри.

Она и полетела, но не стремительно, не с возрастающим ускорением, а плавно. Появилась легкость и... веселость. Кажется, Даша рассмеялась, видя над собой испуганные и напряженные лица. Никита, мама, Игорь... Они погибли? Нет, летят вместе с ней... всем им хорошо... тело растворяется в пустоте...

Сквозь пелену проступило лицо Романа, родного брата, жалкое и уставшее. Ему двадцать семь, а на вид он значительно старше. Отечное лицо, мешки под глазами, видимо, пьет. Да кто здесь не пьет? Это место для зомби, у каждого маршрут один: поспать, поесть, сходить на работу, если таковая имеется, совершить половой акт, и все начинается сначала без изменений. Ум и способности приложить некуда, они просто никому здесь не нужны. А если нечаянно просыпается сознание, его давят спиртным, потому что, сбившись с маршрута, невозможно найти иной путь. Так не у всех, но у большинства. Роман относится к большинству, пока он не дошел до стадии подзаборщины, но приближается туда семимильными шагами. Впрочем, это так, отступление, беглый вывод журналистки, всегда пытающейся с первого взгляда определить собеседника. Дело не в том. А в чем? Что-то случилось... Вспомнила руки, взметнувшиеся вверх... «Я же вас просила...» «А вы разве не знали?...» «Сгорели... Все...»

– Это правда? – спросила Даша брата вяло, без надежды.

Тот беззвучно плакал. По загорелым щекам текли слезы, вздрагивали плечи.

– Почему?... Почему?... Почему?..

Она спрашивала пространство и тишину вокруг, почти не слушая Романа, говорившего о пожаре, о ее чудесном спасении.

– Я все сделал, все, – по-мужски скупно всхлипывал Ромка. – Помогли на работе, соседи мамы... Они там, Даша, где наша родня... лежат... Закрытыми хоро... Ну, в общем, понимаешь? Прости, трудно. Прости...

Долго он не уходил. Брат сидел, Даша лежала, глядя в потолок. Молчали. Старушка, занявшая место Таи, мигая тонкими без ресниц веками и смахивая слезу, тихонько советовала:

– Поплачь, дочка, поплачь. Надо поплакать.

Слезы где-то на пути к глазам застряли, застряла и боль.

Два дня она находилась в прострации: вроде и здесь, и нет. Заставляли есть – ела, говорили ходить – ходила, давали лекарства – принимала. Навещал Роман, еще его бывшая жена приходила, какие-то люди... Посещения утомляли, в них не было смысла, вообще ни в чем не стало смысла. Неизвестно, долго находилась бы Даша в депрессии, если бы не последующие события...

Душегуб

Петр допрашивал убийцу лично, пока не применяя пыток. Первого, напавшего на арапат, царь казнил, ибо остановить фанатично настроенных верующих можно лишь жестокостью – считал он. Но вот вторая попытка убить чернокожих любимцев. Петр из-под нахмуренных бровей гневно, а в гневе он необуздан и страшен, всматривался в старца с таким же упрямым гневом в запавших глазах. Царь спросил:

– Ну и кто надоумил тебя арапов убить?

– Господь, – не задумываясь, ответил старец.

Петр опустил взор на каменные плиты под ногами и начал:

– А ну-ка, скажи, где сказано, что господь разрешает мальцов побивать? Вот Писание, – царь тронул книгу в кожаном переплете, лежавшую на столе, – найдешь и покажешь – отпущу, не наказывая.

Глаза старца забегали, блеснула в них надежда...

– Не старайся, не припомнишь, – усмехнулся государь. – Ибо господь нигде не велит истреблять себе подобных.

– И ты убиваешь! – возразил старец. – Казнишь людей, на войну посылаешь...

– Да, – согласился Петр, почему-то обрадовавшись. – Господь дал мне царскую власть, а ты должен помнить: «Не мир я принес вам, но меч!» Мечом я и караю преступивших закон божий и человеческий, также оберегаю Отечество от иноверцев, посягающих на веру и земли наши. А вот детей господь не велел избивать, а заповедал заботой окружить, и не сказано, каких: черных аль белых. Знать, цвет господу равен, ибо он создал все живое и неживое на Земле, стало быть, арапов тоже. Ты же, посягнувший на создание божье, и есть преступник.

Петр у церковников научился использовать в свою пользу цитаты из Писания. Владея в совершенстве красноречием, он не однажды выигрывал спор, ставя попов в тупик, а в качестве наказания заставлял выпить кубок водки, после одного проигравший спор оказывался под столом в состоянии полного отключения. Старец не сдавался:

– Господь создал по образу и подобию своему человека с белой кожей, а сатана – по образу и подобию своему – черного. На отродье сатанинское поднял я руку.

– Покажи, где написано, – иезуитски-ласково сказал Петр и открыл Писание. – Вот: «И сотворил бог человека по образу своему... мужчину и женщину». Все. Дал велел плодиться и размножаться. Про цвет ничего не сказал, стало быть, равны мы пред ним.

– Антихристовы речи ведешь, – зло зашипел старец. – Дьяволово семя у себя приютил, обласкал...

Петр резко встал. Надоел старик, стоявший на своем и не желавший доказывать истину. Скучно. Царь повелел палачу:

– Десять плетей. Коль жив останется, отпустить на все четыре стороны...

* * *

Стояла глубокая ночь. На новом месте не спалось. Свою койку у окна Даша уступила Асе, которой нужен был свежий воздух, а вторая причина – днем и по вечерам ее раздражали громкие голоса, доносившиеся снаружи. На новом месте и не лежалось. Она вышла в пустой полутемный коридор.

Две тусклые лампочки в обоих концах коридора бросали скудные световые пятна на пол. Даша бродила от одного пятна к другому, пока не надоело. В «камеру» возвращаться не хотелось. Прилегающий к середине коридора небольшой холл стал местом полного уединения и

покая. Никто не сопит и не стонет во сне, никто не ворочается на скрипучих койках. Здесь, в больнице, невозможно побыть одной, только ночью, вот так, забравшись с ногами на диван, спрятавшись за кадкой с китайской розой. Ни телевизор, ни кресла, ни цветы не издадут ни звука, не полезут разговаривать. Даже часы под потолком двигают стрелками бесшумно. Без пятнадцати три... Даша решила просидеть ночь, а днем будет спать, чтобы никого не видеть... никого...

Шаги.

Кто-то поднимался по лестнице чуть слышно.

Сквозь ветки китайской розы она увидела молодого человека. Он остановился в световом пятне, некоторое время прислушивался, затем, ступая исключительно на цыпочках, приближался к холлу.

Даша бессознательно затаилась. У дверей ее «камеры» он поднял воротник тонкого свитера, закрыв им пол-лица. Жара, а напялил свитер... Неожиданно для Даши он вошел в палату. Пока носились в беспорядке мысли, пока она строила предположения – что ему там нужно, – молодой человек вышел, быстро удалился. Поведение его в столь поздний час или ранний показалось более чем странным.

Даша даже тапочки забыла надеть, босиком на цыпочках проследовала в палату. В нос ударил резкий запах, пришлось задержать дыхание. Нащупала выключатель... и едва удержала крик – Ася задушена. Шею девушки стянул ремень, привязанный к батарее. Первым делом Даша быстро освободила девчонку от ремня, затем разбудила медсестру. Пока та бегала за дежурным врачом, Даша приводила Асю в чувство, как умела. Окончательно откачали несчастную в реанимации, где непосредственную помощь оказывали Даша и медсестра, а сонный врач в алкогольных парах давал советы. Когда же он назвал девушку самоубийцей, Даша разошлась:

– Вы соображаете, что говорите? Какое, к черту, самоубийство?! Ее приходили убить, я видела того, кто это сделал. А запах в палате? Он, кажется, воспользовался газом или еще чем, а потом задушил девочку.

– Тогда почему вы не в отрубе? – сообразил спросить врач.

– Мне не распыляли его в нос. А вы должны знать... Короче, вызывайте милицию, я с ними буду разговаривать. Кстати, ответьте, глубокоуважаемый, почему по больнице ночью шатаются посторонние?

Говорила без эмоций, жестко и четко, словно не замечая надутой красной рожи полупьяного эскулапа, пыхтевшего и хмурившегося в ответ.

Через полчаса явилась милиция. Ввалили гопкомпанией, сделали вид, что осмотрели место происшествия. Обратились к старушке, лежавшей без движений... Отнесли старушку в морг... Ужас какой-то!

Протокол Даша читала совершенно измученная, понимая бессмысленность вызова охранников порядка, которые и протокол-то составили возмутительно: неразборчиво написали, безграмотно и непонятно. Голова раскалывалась. Вот так и встретила рассвет...

Спала чутко, тревожно, поэтому моментально подскочила, когда в палату вернули Асю. Девушка взяла Дашу, подсевшую к ней, за руку и со слезами произнесла всего одно слово:

– Спасибо.

– Как ты?

– Горло болит.

Ася приподняла подбородок. Странно, вид задушенной девчонки произвел меньшее впечатление, чем синюшный след петли.

Даша сжалась. Ночью, забыв о собственном несчастье, бросила все силы на спасение Аси. Тогда мысль, что девчонка может погибнуть, придавала решимости, подстегивала к действию. Теперь же, увидев спасенную, со страшным следом от ремня, убежала в туалет, пропахший хлоркой и с постоянными перебоями воды, где у раковины стоял бак с ковшом на крышке.

Запершись в кабинке, Даша рыдала взахлеб, оплакивала близких. Ее сына некому было спасти. Этими горячими слезами и громкими всхлипываниями, уткнувшись лбом в кафельную стенку, она прощалась с ними, пытаясь смириться с их гибелью. Если в туалет кто-то заходил, зажимала рот обеими руками, стараясь не выдать себя.

В палату вернулась совершенно измученная, шатаясь из стороны в сторону. Ее встретила с благодарностями мать Аси, широкая и щедрая душа которой не представляла, чем отблагодарить спасительницу, чем угостить. Даша, плохо соображавшая, от подарков отказалась, выпила только фаянсовую кружку молока и повалилась на кровать, с безразличием слушая мать Аси. Оказывается, приходил брат с женой (с новой золовкой Даша еще не успела познакомиться), но сестру ему не нашли, так и ушли, оставив гостинец. В полудреме провалялась до вечера, пока вновь не появился Роман.

– Проезжал мимо, дай, думаю, заскочу. Были с Танюхой утром, а тут такое... И тебя нигде нет... Мы перепугались. Так что случилось тут, Даня?

– Ночью кто-то приходил убить девочку.

– У нас такое бывает. Ходит сначала с одним, а потом ходит с другим. Ну и первый, бывает, мстит. Или девчонке мозги по-своему вправляет, или парню накостыляет до инвалидной коляски. Девчонки тоже счета сводят, ну те вообще страшно калечат.

– Дикость какая-то. Как пещерные жители, – пробормотала Даша, ежась от слов брата.

– У нас свои законы.

– Законы у всех должны быть одни, Роман, человеческие. Девушка не хочет с тобой видиться, так ее надо непременно убить? Это не закон. Этому названья нет. Даже у животных идет честная борьба за самку.

– А у нас так. А где ж Ася?

– Мать забрала. Ты бы оставил дочь здесь после ночных ужасов?

– Ты что, одна тут теперь? – напрягся он.

– Как видишь.

– Ты, Даня, закройся покрепче на всякий пожарный.

– Рома, в больницах двери изнутри не запираются.

– Все ж поосторожней будь. Ну, поехал я? Проводишь?

Они вышли за больничную ограду, где у обочины стояла машина-хлебовозка. Брат торопился на хлебозавод, где работал шофером, нервничал: сейчас начальство лютует за любое нарушение, а он и так застрял у сестры. Работы в городе нет, потому приходится спину сгибать. Он уже прыгнул в кабину, а Даша сделала несколько шагов в сторону больницы, как вдруг Роман окликнул ее:

– Даня! Забыл, тут такое дело...

Он огляделся по сторонам, удостоверившись, что их никто не слышит, жестом пригласил сестру подойти поближе. Она остановилась у ступенек кабины, подняв голову.

– Ты больше не давай показаний.

– Почему?

– Да там одни сволочи.

– Где там?

– В ментовке нашей. Тебя же могут и обвинить... У нас так.

– Что за чушь?

– Да, Даня, да. Напрасно ты их...

Неожиданно из-за поворота вывернул легковой автомобиль. На предельно высокой скорости он мчался к хлебовозке. Даша успела лишь повернуть голову на звук визжащих шин и широко раскрыть глаза. Машина неслась прямо на нее... Все, автомобиль уже не успеет свернуть... сейчас будет удар... мгновенный и сильный... Но Роман схватил сестру за волосы и

в мгновение ока втащил на ступеньку, тут же завалился с ней в кабину. Машина промчалась мимо по тому месту, где стояла Даша.

– Не ушиблась? – спросил Роман.

– Нет, кажется... – поднималась она.

– Лихачи гребаные, – ругался он еле слышно. – У, суки... Узнаю, кто – пасти порву. Мудаки недоношенные...

Бледный Роман с трясущимися руками и полными страха глазами заставил Дашу задуматься о том, что не случилось, но могло произойти. Ее сковал ужас уже не перед только что промелькнувшей мимо смертью, одна ужасная мысль пронзила: она хотела жить. Да, потеряла родных, сына, без которого не мыслила существования, да, жизнь не мила, в минуты отчаяния призывала смерть. И вдруг, когда косая была ближе собственной тени, жить захотелось больше прежнего. Зачем жить? Чтобы страдать, помня о потере, с отравляющими каждый день муками совести, что сама спаслась из огня, бросив в пламени сына и мать? Проводить страшные вечера в одиночестве? Да, именно так, но жить! Жить! Разве такое возможно? Ненавидела себя за это.

– И все? – спросил Артур, когда Даша замолчала и, казалось, не собиралась продолжать рассказ.

– Нет, – сказала она. – В «камере» невозможно было находиться, хоть я и осталась там одна, но покой оказался еще хуже, особенно ночью, когда в тебя словно вгрызается тишина. Ты не знаешь это жуткое состояние, когда в палате находишь повешенную, и старушка ведь умерла...

– Немного представляю, – улыбнулся Артур.

– Я устроилась на диване, на котором сидела прошлую ночь, думала, как жить дальше и что делать потом, когда выйду из этой проклятой больницы. И вот слышу – снова шаги! Тот же молодой человек вошел в мою палату... Артур, я решила, что схожу с ума. Предыдущей ночью было то же самое. Как будто вернулось время и мне предстоит пережить еще раз вчерашний кошмар. Потом он вышел из палаты, поставил руки на бедра, нервно поворачивал голову в обе стороны, прошел мимо холла, где я затаилась. Знаешь куда? В туалет. В женский! Артур, я вдруг поняла: он ищет меня. Знал, что я должна быть в палате, но меня там не оказалось. Куда я могу пойти ночью? Конечно, в туалет. Возвращаясь оттуда, он еще раз заглянул в палату и был таков. Я сопоставила. Койками с Асей мы поменялись вечером, никто этого не знал, значит, этот парень приходил душить не ее, а меня, зная точно, где я лежу. Зачем ему приходиться еще, когда вся больница день целый мусолила ночное происшествие, а слухи в городе распространяются мгновенно. Но он рискнул зачем-то прийти еще. И второй раз двери корпуса оказались открытыми, что само по себе подозрительно. И машина летела на меня не случайно. Все как бы заикливается на мне. Когда я это поняла, стащила у спящего дежурного ключ от кабинета главврача и позвонила тебе.

– А сегодняшней ночью он не появлялся?

– Не знаю. Я не стала рисковать, напросилась к раздатчице еды помыться. Здесь народ в основном сочувствующий, она с радостью откликнулась на мою просьбу. Из больницы мы ушли довольно поздно, когда стемнело. Я настояла, объяснив, что в таком виде ходить по городу просто неприлично. На самом деле страшно боялась встретить того типа по дороге, все же ночью безопаснее, он может не узнать меня ночью. Раздатчица согрела воды, я выкупалась в летнем душе... Это такое строение, где принять душ можно только летом. Потом мы долго беседовали, так что вопрос – где мне спать – решил сам собой. Утром приехал ты. Вот и все.

– Мда... – протянул Артур, почесывая подбородок. Звучит логично, но не убедительно, правда, Дашке этого не скажешь.

– Ты мне не веришь, – догадалась она.

– В принципе верю, но...

– Ты не веришь! – оттолкнула она его.

– Даша, а какая теперь разница? – вдруг сказал Артур. – Сейчас я увезу тебя из этой деревни, пройдет время – ты все забудешь.

– Забуду? Невозможно. Ладно... поехали.

– Дашенька, есть один щепетильный вопрос... Твой брат... Надо забрать у него свидетельства о смерти. Понимаешь, документы должны быть у тебя.

– Как скажешь. Поехали к Роману.

Принц и – нищий

Арапчиков окрестили. Старшему дали имя Алешка, а Ибрагима нарекли Абрамом, их крестным стал царь. Перед Петром стояли оба мальчика, сам же государь, сидя на лавке в деревенской избе, определял каждого на дело после соответствующих экзаменов:

– Ты, Алешка, ловко на гобое играешь. Пойдешь гобоистом в мой любимый полк, в Преображенский. А ты, Абрам, при мне останешься. Проститесь, ибо долгонько не свидитесь.

Прощание происходило под неусыпным оком Петра, возможно, и это было для него развлечением. Абрам и Алешка подошли друг к другу. Старший арапчик, более выдержанный, смотрел печально и молча на брата. Младший понял, что теперь их разведет судьба в разные стороны и станет вспоминать он Алешку, как Латану, постепенно забудет его черты, как забыл сестру. У Абрама навернулись слезы, он всхлипнул, неловко обхватив брата руками.

– Довольно, – сказал царь. – Ступай, Алешка, у крыльца тебя лейтенант ждет, с ним поедешь.

Тот вышел, не проронив ни звука, Абрам же тер кулаками глаза, из которых хлынули слезы. Петр подзвал его к себе, мальчик осторожно приблизился, не скрывая обиды на государя, в лице его ясно читалось: зачем разлучил с братом, злой царь? Петр строго наставлял арапа:

– А ты учись, Абрашка, ибо проявил весьма недурные способности к математике. Учись и докажи невежественному люду, что ты есть создание божье. Докажи, что образованность доступна всем человеческим породам. В новом русском государстве, мною заново устроенном, открыт путь к вершинам и отличиям каждому человеку без различия происхождений. А в сей час едем, Абрашка, на верфь.

Верфь гудела, как потревоженный улей. Визжали пилы, стук топоров и молотков не прекращался ни на минуту, тянули толстые канаты мужики, устанавливая мачты, при том выдыхая с шумом воздух из груди. Тут же варилась смола, которой смолили днища кораблей, в другие котлы опускались бревна, затем забивались сваи. Муравейник на верфи разбавляли бабы и детишки, они помогали мужьям и отцам или принесли им поесть.

– Гляди, Абрашка! – весело воскликнул Петр. – Гляди, как вырастают корабли! Наши корабли, русского флота.

Флот – гордость Петра, но Абрам не разделял восторгов господина. Вот поплавать на кораблях – другое дело, а смотреть, как паклей забивают щели, – скучно.

– Государь, – подошел к ним иностранец в голландской одежде, – нам пришлось увеличить расходы...

И про расходы, от которых Петр зверел, Абрам уж наслушался. Мальчик не пошел следом за царем, а присел на корточки и стал царапать соломинкой на земле математические действия.

– Эй, отчего ты черный такой?

Его толкнул в плечо мальчишка с волосами цвета меди и усыпанным веснушками ликом. Абрам так и сел на попку от удара, но, вспыхив, подскочил на ноги, набычился и, в свою очередь, толкнул обидчика:

– А ты отчего рыжий?

– Пошто пинаешься? – возмутился рыжий и толкнул Абрама.

– А ты пошто? – в ответ толкался тот.

– А вот тебе! Вот! Получай!

Драка! Мальчишки кубарем покатались по земле, вздымая клубы пыли. Их кинулись разнимать не только рабочие, но и сам государь. Петр, разняв драчунов, раскричался, гневно тараща глаза:

– Кто драку учинил? Признавайтесь!

Мальчики не признавали вины, обвиняли друг друга. Тогда Петр решил наказать обоих. Позаимствовав у солдата для этой цели ремень, царь закатал рукава и первым порол рыжего. Тот орал душераздирающе, а отец рыжего только рыготал, стоя в сторонке. Ужас обуял Абрама, а на заднем месте жгло, будто пороли его.

– А теперь ты, Абрам. – Петр отпустил рыжего и повернулся к арапу.

Ноги Абрама отказывались идти, его поднесли к Петру со смешком два солдата, а царь грубо сунул голову мальчика между ног, и первый удар ремня обрушился на истерзанный одной лишь мыслью о наказании зад. Арапчонок был ловок и силен, больше ударов не желал. Изловчившись, он укусил государя чуть ниже того места, по которому секли его. Петр взвыл, ослабил ноги, Абрам стрелой вылетел из-под государя и бросился наутек сквозь хохочущую толпу, царь погнался за ним. Так случилось, что мальчик столкнулся с человеком и вдруг услышал на абиссинском наречии:

– О! Ты откуда взялся?

Абрам поднял голову и ахнул, на секунды забыв о наказании и погоне. Его держал за плечи высокий африканец. Это был капитан галерного флота Секи. Нехватка в знатоках морского дела была так сильна, что по приказу Петра его люди искали и нанимали на флот иностранцев разных мастей. Секи тоже немало удивился, увидев черного мальчика, спросил:

– Ты кто?

– Я сын повелителя Логона! – гордо ответил Абрам на не забытом еще языке.

В это время разъяренный Петр подбежал к ним, а Абрам спрятался за Секи. Началась беготня вокруг чернокожего капитана, ибо сдаваться Абрам не собирался. Секи, все больше поражаясь, спросил на ломаном русском:

– Принц Логона, скажите, почему царь гонится за вами?

– Выпороть хочет! – заорал Абрам, негодуя на недогадливого капитана. – Защити меня!

Петр выдохся первый, остановился и пригрозил, потрясая ремнем:

– Ну, Абрашка, все едино попадешь мне в руки. Уж я тебе припомню, как зубами цапать за государев зад!

Секи развернулся к Абраму и вытаращил глаза:

– Принц, вы укусили государя за?.. Плохо, очень плохо. Ваше высочество должен достойно принимать наказание. Вы сын правителя славного города Эфиопии, а народ сей страны не убегает трусливо от ремня.

Стыдно Абраму стало, но зад был дороже, поэтому арапчонок не сходил с места. Тогда Секи, поклонившись мальчику, все же подтолкнул его к государю. Капитан приложил ладонь к груди и почтительно склонился. Абрам зажмурился, втянул голову в плечи... Но остывший Петр вдруг рассмеялся громко и слегка потрепал за ухо любимца. Беда миновала! Обняв за плечи арапчика, Петр пошел осматривать верфь дальше, а Секи, глядя им вслед, с сожалением произнес на своем языке:

– Принц Логона – раб. Я же раб – свободен и капитан. О, судьба...

* * *

В это время в больнице городка, где с Дашей произошли необъяснимые события, молодой человек интересовался ее здоровьем, в какой палате она лежит и когда удобно ее навестить.

– Да по двору гуляет твоя Веремеева, – ответила санитарка. – Можешь с ней сам поговорить.

Молодой человек – худенький, белобрысый, небольшого роста, тем не менее сутулый, с болезненным покраснением лица, так как белая кожа обычно не выносит жарких солнечных лучей, краснеет и пузырится, с маленькими глазками, скрывающимися за белесыми ресницами, на вид лет двадцати с маленьким хвостиком, – обошел больничный двор, но Бере-

меевой не нашел. Выучив ее приметы наизусть по двум фотографиям и обладая зрительной памятью ниже среднего, он воровато всматривался в каждую женщину до сорока. Таким образом, побродив по небольшой территории, осмотрев несколько двухэтажных зданий и два одноэтажных – морг и кухню, белокрысый вернулся к корпусу. Он попросил праздношатавшуюся девушку разузнать, не вернулась ли в палату Даша, предупредив, что о нем говорить ничего не надо, для нее это будет сюрприз. Стоя в укромном месте и непрестанно оглядываясь по сторонам, белокрысый потел от волнения. «Веремеевой ни в палате, ни у телевизора нет, – сообщила девушка, – к ней сегодня негр приезжал, может, она с ним вокруг прогуливается». Белокрысый обрадованно ринулся из больницы.

Неподалеку стоял автомобиль марки «Жигули», на место водителя и плюхнулся белокрысый. Рядом, на месте пассажира, сидел в вальяжной позе, выставив локоть в окно, другой парень, лет на пять-шесть старше первого, внешне очень привлекательный: крепкий, мускулистый, с тонкими чертами лица, можно даже сказать – благородными, с черными волосами, в солнцезащитных очках.

– Ну? – лениво спросил второй.

– Нет ее. Может, вокруг гуляет. А к ней сегодня негр приехал.

– Ну бабы... Поджаренный муж не успел в могилу лечь, а она уже! Да еще с негром. Карать их всех надо. Так, Петюн, кати кругом.

Прокатившись вокруг больницы, Петюн притормозил на прежнем месте, выжидая поспомотрел на напарника: мол, что дальше?

– Сгоняй еще разок к палатам, – сказал второй.

– А че я, Гарпун, че я? Чтобы меня искали, да? Ты у нас дилер...

– Киллер, мудак, – лениво поправил второй.

– Ну да, киллер. А я кто? Я просто...

Неожиданно Гарпун ткнул Петюна локтем под дых, в момент тот скорчился от острой, удушающей боли, а ударивший сказал ему:

– Понял, кто ты? Валяй, куда сказано.

Петюн выпал из машины и, проклиная все на свете, нехотя побрел, массируя место удара пальцами. По его мнению, Гарпун придумал глупость, наглую и опасную: выманить за ворота больницы Веремееву, втолкнуть в машину, а потом... потом наступит работа самого Гарпуна. А как ее выманишь среди десятков глаз? Гарпун не местный, его мало кто знает. А Петюн знаком каждой собаке в городе, достаточно описания и – тютю. Он согласен: менты закрывают глаза на происшествия в городе, но это происходит тогда, когда им оказывают «спонсорскую помощь», а кто оказывать-то будет? Гарпун возьмет и смоемся, несмотря на твердые обещания забрать Петюна с собой.

– Пройдешь экзаме́н, – говорил Гарпун, – возьму на службу.

А что, собственно, делать в этой дыре? Петюну еще здорово повезло: попал в самую грозную компашку, наводившую ужас на жителей, он чувствует за собой силу, пусть жестокую, но силу. Без малого год назад приехал Гарпун и быстренько прибрал к рукам разрозненные группировочки из молодых пацанов, у которых энергии валом, а применить ее некуда. Иногда парни куролесили – выпьют маленько и идут в загул: то отметелят кого, то разгромят ларек армяшки, то еще какую шутку устроят. В общем, четкой политики, как говорит Гарпун, не имели. А с его появлением жизнь изменилась. В городе родилась натуральная организация с определенными правилами, главарем, с идеологией. Организация никак особо не называлась, просто «ОП» – отряд порядка, но она потеснила тех, кто думал, что он здесь пуп земли. Шакалье в кабинетах и креслах тоже побаивается здоровых молодых парней – непредсказуемых и агрессивных, почуявших вкус силы и свободы. Ежемесячный парад на мотоциклах заставляет жителей прятаться по углам и не высовываться дня два. Ну-ка, человек двести на ста мотоциклах с жутким ревом и улюлюканьем несутся по улицам, что можно ощущать?

Страх! Да, животный страх. Парни не рокеры, это просто так, забавы ради, парадом своим они говорят: «Мы есть!» А подчинил ребят и объединил Гарпун, ставший королем рэкета. У него деньги водились, набрав группу ребят, тренируя их, обучая карате, Гарпун увлек идеей прежде всего объявить войну армянам – всех выходцев с Кавказа здесь называют армянами, их аборигены особо не любят. Чем конкретно промышляли армяшки, Петюн не очень-то разбирался, но они имели хорошие дома, выгодные торговые точки и вели себя по-хозяйски. Началась война с изнасилования. Девчонка возвращалась поздно домой одна, ее изнасиловали трое. Кто? Армяне! Раньше случались подобные случаи, только на борьбу с «оккупантами» никто не поднимался, иногда возникала драка, но не более. А в тот раз «терпение лопнуло». Лопнуть терпению помог Гарпун.

– Пора показать – кто есть кто. Мы начинаем отвоевывать свое, нужна причина для возмущения, а цель оправдывает средства. У нас большая цель.

Он, Петюн и еще один, кому доверял Гарпун, изнасиловали девчонку, выдав себя за армяшек. Эти подробности никому не известны, не заинтересованы Петюн и третий парень в огласке. А началось...

Гарпун речугу толкнул возмущенную о том, что Россию оккупировали черножопые и пора им вставить в задницу фитиль. Одного главного армяшку забили до смерти железными прутами, оставив записку: «Это наша земля». Впервые тогда Петюн впал в экстаз, как и остальные. Начали вяло, с отвращением и страхом, с едва шевелившейся и подавляемой жалостью. Но чем сильнее армяшка вопил и дергался под ударами, тем больше появлялось азарта, массового экстаза, звериного восторга. Восемь человек обрушивали пруты на кусок мяса не в состоянии остановиться, пока им не дали команду «отбой». Возбуждение долго не проходило. Выпили, хотели сходить на отлов парочки армяночек и трахнуть их, как, бывало, трахали они наших девчонок, но Гарпун не велел.

Утром Петюна накрыл ужас, бил колотун, окровавленный армяшка преследовал на каждом шагу. Гарпун вылечил: дал покурить «травку». Вдыхаемый дымок окунул Петюна не то в воздух, не то в море, где он плавал и нырял все с тем же восторгом дикого зверя, который познал, делая отбивную котлету из живого тела.

Другого армяшку посадили голой задницей на раскаленную сковороду в собственной забегаловке, короче, подпекли яйца. Второй раз ужас терзал меньше, но от «травки» Петюн не отказался, покайфовал вволю. Главное, армяне попржиухли, стали платить оброк. Далее: цыгане надоели... С этими Гарпун навел личные контакты, трогать пока не велел, а хотелось и цыганам «дать прикурить». Скорей всего это они снабжают главаря пушками и наркотой, чем завоевали расположение Гарпуна. Да и цыганская мафия особая, защитить себя может – такие выводы сделал Петюн, потому что Гарпун никого не посвящал в политику, требовал лишь подчинения как бесспорному лидеру. Остальным лихим бизнесменам не пришлось даже угрожать, начали делиться сами. Так появились бабки в карманах пацанов.

А по-другому жить здесь невозможно. Ну, правда, чем заняться нормальному парню в гнилом городке? Горбатиться на огородах, потом тащить урожай на базар и стоять до посинения, продавая за копейки? Ну, рыбой можно заняться, браконьерство – дело прибыльное. Да бракоши имеют свой кодекс, посторонних к себе не пускают, запросто утопить могут. К тому же житуха браконьеров – не позавидуешь. Попробуй поплавай в море на хилом суденышке в январе-феврале при шторме и холоде. У Петюна здоровья на то нет. Можно вином еще торговать... Да оно здесь в каждом доме рекой льется. Так чем зарабатывать на жизнь? Ага, толстый дядя с сытой харей скажет в телике: «Работать надо». Возникает законный вопрос: где? Эх, попал Петюн и такие же парни в неудачное время: места все заняты, никто никому не нужен. Где справедливость?! Петюн лишним не желает быть. Ему что, подышать? И вдруг появляется Гарпун, говорит: «Ты мне нужен, даю тебе работу, бабки, вытащу из дыры». Вот и старается

Петюн угодить ему, из кожи лезет, на все согласен. Убить попросит Гарпун – пожалуйста, но не на виду же!

– Нет ее, не вернулась, – сообщил Петюн, садясь в машину. – Куда?

– Давай-ка к дому ее, что ли... – задумчиво промямлил Гарпун.

Ехали с ветерком. Тачка, конечно, Гарпуна, но Петюн знает ее как свою пятерню. За рулем он ас. Отец с двенадцати лет учил премудростям вождения, но потом машиной предки расплатились за армию, купили сыночку «волчий билет», и не пошел на срочную службу Петя. Не доезжая примерно квартала до дома матери Веремеевой, Петюн остановился. Гарпун попросил девчущку, возившуюся в куче песка, узнать у соседей – не приезжала ли тетя Даша сегодня к сторевавшему дому. Девчущка вернулась довольно быстро. Да, приезжала с дядей-иностранцем, а поехали они на кладбище.

– Жми, – приказал Гарпун. – Они сами выбрали подходящее место, а замочить негра... святое дело.

– Негра-то зачем?

– Чтобы меньше их было, – резонно ответил Гарпун. – Да не ссы ты!

У кладбищенских ворот – ни одной легковой машины. Это значит, что негр и Веремеева смотрели удочки. На всякий случай Петюн и Гарпун сбегали к могилам.

– Свалили, – констатировал Петюн.

– Видимо, так, – согласился Гарпун. – Детка хочет сбежать, поэтому делает прощальный обход: дом, кладбище... Значит, догадалась. Ну-ка, к брату ее гони...

У ворот дома, где жил брат Веремеевой, стоял джип.

– Вот и они, – удовлетворенно крикнул Гарпун. – Сдай назад.

– Откуда знаешь, что они?

– Ты много джипов видел в этом мухосранске?

– Нет.

– Тогда попусту пасть не разевай. Они, кому ж еще быть у дома братца? Подождем. Тачку поставь в укромное место.

– Тут и мест-то таких нет...

– Кончай базар.

Петюн, свернув за угол, поставил машину торцом к забору частного дома между кустами сирени. Гарпун вышел из автомобиля и лично наблюдал за джипом, прислонившись к стволу дерева на углу.

– Вы Татьяна?

Даша разглядывала молодую женщину с уже заметно выступающим животом. Та испуганно переводила взгляд с Артура на нее, наконец поняла, кто в гости пожаловал.

– А вы Даша? – спросила она. – Ой, садитесь.

Татьяна суетливо вытерла две табуретки у застеленного обычной клетчатой клеенкой стола под виноградником и крикнула в дом:

– Мама, у нас гости! Принеси на стол!

– Не стоит беспокоиться, мы ненадолго, – сказала Даша выглянувшей из-за двери пожилой женщине, но между тем села на предложенную табуретку.

– А Ромы нет, он на хлебозаводе... Может, все-таки перекусите? – робко спросила Татьяна.

– Нет, мы торопимся.

Даша хорошо знала бывшую жену Романа, не одобряла скоропостижный разрыв, к тому же не по душе пришлась скандальная история, связанная с Татьяной: ее застучала жена Романа в постели у себя дома, вытолкала голую, за что и была бита братом. Да, такие страсти-мордасти случаются частенько здесь. Татьяна под пристальным взглядом Даши робела и краснела, знакомство получилось, прямо сказать, неловкое, мать же, как назло, устала на негра, просто

неприлично уставилась. Ну, негр, ну что из того? Хоть бы рот закрыла! Татьяна свирепо сверкала глазами: получишь, маманя, когда гости уйдут.

– Мне нужны документы, – наконец с трудом выдавила Даша. – Свидетельства о смерти.

– Я ничего не знаю про документы. Только Рома. Подождите его.

– Девушка, мы не можем ждать, – тактично приступил уговаривать Артур. – Поймите, свидетельства нужны Даше, она не может без них уехать. Вы же наверняка знаете, где Роман хранит документы. Будьте добры, посмотрите. Это нужно для его сестры, понимаете?

– Я понимаю, но... – колебалась та.

– Роман не мог похоронить родственников без свидетельств о смерти.

– Я... Хорошо... Я поищу.

Уходя в дом, Татьяна больно ущипнула мать за ягодицу, та вскрикнула:

– Танька! Чума болотная! Чего ты?!

Внутри дома послышалось шипение двух голосов, чему Артур откровенно усмехнулся, а Даша недовольно поморщилась: дурак братец, жить ему теперь с двумя гадуками. Хотя особой жалости к нему нет, он тоже фрукт еще тот.

– Вот, – протянула Татьяна пластмассовую коробку Даше. – Я ничего в них не понимаю, может, сами?..

Артур перехватил коробку, быстро перебрал бумаги, нужные листки нашел, встал:

– Есть. Поедем, Даша?

– Как же? А Рома? Разве не дождетесь? – кудахтала Татьяна.

– Передайте Роману, что я люблю его, – говорила Даша, выходя за ограду. – Пусть простит за побег. Так надо. До свиданья.

Даша попыталась изобразить подобие улыбки, что плохо получилось, и направилась к машине. Застегнув ремень, Артур секунду смотрел на нее, потом протянул листки:

– Хочешь взглянуть?

– Нет, – смотрела она в окно.

Он бросил листки в «бардачок» и тронул джип с места...

– За ними гони, но на расстоянии, – приказал Гарпун, прыгая в машину.

– Ты гля, вонючий ниггер на джипе катается! – возмутился Петюн.

– Был джип его, станет нашим, – заявил Гарпун. – Ты смотри: из города линияют. Давай не теряй их из виду. Выберем безлюдное место... таких много по дороге.

За городом шоссе удивительно ровное, не дорога, а сплошное удовольствие, что большая редкость. Элегантному джипу, хоть он и вездеход, удобней все же колесить по приличным дорогам, это наши машины привычны к колдобинам. Впрочем, Артур чересчур по-человечески относится к груде железа на колесах. Изредка он наблюдал за молчавшей Дашей. Сложно поверить в нелепую гибель родных, а рассказ ее скорее походит на бред. Явно нарушена психика. Что ж, со временем Даша успокоится, и убийцы ей перестанут мерещиться. Человек удивительно быстро забывает несчастья, иначе процент сошедших с ума вырос бы до катастрофических размеров, а шарик земной превратился бы в один огромный дурдом.

Мимо проплывали виноградники, пустовавшие поля, выстроенные в ряд пирамидальные тополя. Изредка проносилась встречная машина. Дорога пуста. Вдруг Даша беспокойно завертелась на месте, то и дело оглядывалась.

– Что-то не так? – бросил Артур.

– Сзади нас машина...

– Ну и что? – оглянулся он.

– Это та машина... я узнала ее... Которая меня чуть не убила.

– Не паникуй. Проверь, ты хорошо пристегнулась?

Он увеличил скорость, оторвавшись от машины сзади, та тоже прибавила скорость. Тогда Артур сбавил скорость до тридцати километров в час...

– Петюн, бери на обгон и иди рядом, – приказал Гарпун, доставая пушку.

«Жигуль» шел бок о бок с джипом.

– Это он! – воскликнула Даша, узнав в пассажире «Жигулей» ночного посетителя больницы. – Артур, у него пистолет!

Гарпун торжествующе улыбнулся ей, с чувством превосходства поднял пушку... Но встречный автомобиль помешал – не при посторонних же стрелять! Воспользовавшись замешательством Гарпуна, Артур, не отрывая взгляда от дороги, выбросил руку в окно. Прямо перед своим носом Гарпун увидел кукиш! Большой коричневый кукиш! Парень обалдел от наглости, даже не успел разозлиться, так как Петюн вынужден был поставить «Жигуль» в хвост джипу, освободив дорогу встречному автомобилю. Джип и не думал драпать.

– Останови машину, – вдруг сказала Даша.

– Зачем? – вытаращился Артур, но при том смотрел на дорогу.

– Останови, я выйду. Им я нужна, останови!

– За кого ты меня принимаешь? Лучше держись крепче.

Пропустив встречный автомобиль, «Жигуленок» шел уверенно на обгон.

– Он убьет и тебя, ты не понял? – закричала Даша.

– Держись, я сказал! – рявкнул в ответ Артур.

Джип рванул с такой силой... «Жигуленок» в единый миг остался далеко позади.

– Ах ты, гад хитрожопый! – зло сплюнул Гарпун. – Жми на газ, Петюн, пока трасса свободная! Знал, паскуда, что при встречной тачке я стрелять не буду. Гони, Петюн. Ну, сволочь, я тебе ручку твою черную отгрызу и как трофей на груди носить... Чего это он? Бензин кончается? Давай ближе...

Джип рывками останавливался, словно произошла поломка. Гарпун выстрелил в колесо – не попал, пуля ударилась о железо. Артур выглядел абсолютно спокойным, только очень сосредоточенным. Услышав выстрел и звук ударившейся пули, которые заставили Дашу вскрикнуть и закрыть руками лицо, он сквозь зубы процедил:

– Не ворошиловский стрелок.

– Господи, Артур, ты еще шутишь? Что с машиной? – Даша постоянно оглядывалась. – Они близко... Артур, он целится!

– Молчи и держись! – рявкнул он, сцепив зубы и нажимая на газ.

Снова джип оторвался от «Жигуленка» на расстояние недосягаемости пули, и расстояние увеличивалось.

– Петюн, твою мать, жми! – заорал Гарпун.

– Я и так... – отозвался вспотевший Петюн, выжимая из потрепанной машины невозможное. – Смотри! Чего это он?

Внезапно джип развернулся и покатиł навстречу с невообразимой скоростью.

– Артур, ты с ума сошел, – прошептала Даша. – Что ты делаешь?!

– Гастелло изображаю, – огрызнулся Артур, сжимая руль. – Погибать, так вместе с этими подонками.

Даша сжалась, а дорога перед ее глазами закачалась, как на детских качелях, накренилась набок. Смирившись с неизбежностью, когда дорога принялась переворачиваться, Даша крепко зажмурилась... Где-то это было... может, в прошлой жизни... Она зажмурилась и напряглась в ожидании удара. Ничего, всего лишь один сильный удар, один... Как страшно!.. Сейчас, вот сейчас... Всего лишь мгновенная боль...

Ужас закрался и под кожу двух молодых людей, ехавших навстречу. Гарпун выстрелил еще разок, но машинально, не целясь. Летевший навстречу джип вызвал у него недоумение, потом сковал тело параличом, особенно когда расстояние заметно сократилось и продолжало сокращаться.

Самосохранение Петюна откликнулось на ужас: ноги самостоятельно нажали на тормоз, мозг сигнала не давал. Петюн лишь ошалело, выпучив глаза, таранился на джип. За секунды до удара перед ним вспыхнула знакомая по кино картина: два автомобиля, столкнувшись, взрываются. Его обожгло несуществующим огнем так очевидно, что заорал Петюн со всей мочи и крутанул руль в сторону. Екнуло радостно сердце и навернулись слезы счастья, когда джип пулей пролетел мимо, а «Жигуль» нырнул вниз.

– Живы! – прошептал Петюн, набрал в грудь воздуха, готовясь завизжать, издать вопль победы...

Но тут небо и земля поменялись местами, они подпрыгнули, еще... Звук разбитого стекла, треск... Неужто трещит железо?..

Артур развернулся и подъехал к «Жигуленку» в кювете. Самого переворота он не видел, заметил только вильнувшую в сторону машину, потом услышал грохот. Помята крыша, бок, вылетели стекла... Вероятно, машина кувыркнулась бы еще не раз, если бы не преграда. Став на колеса, машина боком уперлась в дерево и, прокрутившись вокруг случайной оси градусов на сто восемьдесят, замерла. Внутри никто не шевелился.

– Можешь открыть глаза, – сказал Артур Даше, выходя из джипа.

– Что? Что произошло?..

– Психическая атака удалась, – ответил Артур, сбегая с дороги по пологому скату в кювет.

– Не подходи к ним! – крикнула Даша.

Голова водителя свесилась на грудь. Артур попытался открыть дверцу – заклинило. Тогда через окно он пощупал пульс на шее – есть, негодяй жив. Протиснувшись в окно, Артур шарил по карманам. Деньги, ключи, какие-то пакетики засовывал назад, а водительские права положил в нагрудный карман своей рубашки. Обойдя автомобиль спереди, он точно так же осмотрел парня, стрелявшего в них. В щеку тому вонзился осколок стекла.

– Мы убили их? – раздался тихий голос рядом.

– Да нет, они отделались легко. У них шок, отойдут.

Резким движением Артур выдернул осколок из щеки. Черноволосый парень не пошевелился, его паспорт перекачывал так же в карман Артура. Когда он рассматривал паспорт, попросил Дашу:

– Поищи пистолет, быстро.

Она подобрала пистолет вблизи дороги, Артур уже садился в машину:

– Поехали!

– Мы их оставим?

– А что ты предлагаешь? В сиделки к ним наняться? Нет уж, уволь. Садись, я сказал, пока нет машин. Не хватало еще корчить из себя альтруистов и с почестями доставить двух ублюдков в больницу. При первой возможности позвоним в милицию.

Обещание он сдержал. В населенном пункте по дороге отыскал здание, похожее на контору, и сообщил об аварии на трассе. Хотя мог этого не делать. Артур и Даша были довольно далеко от места происшествия, когда он спросил:

– О чем задумалась, Даша?

– Теперь ты веришь?

– Верю. Теперь верю.

– Но должна же быть причина?.. Не могли же они от нечего делать, просто так, пытаться убить меня. Ведь есть какая-то причина.

– Бесспорно.

– Я даже не представляю, с чего начать отсчет и что делать дальше.

– Послушай, у Игоря не было нежелательных связей, дел?..

– Не знаю. Я вообще не в курсе его дел. Совсем. Не смотри так.

– Как? – заинтересовался он.

– Удивленно... Недоуменно... Ты понял. Да, я плохая жена. Но у нас отношения были на грани... Короче, его дела меня не интересовали. И потом, я не понимаю, почему эти «дела» должны оказаться в маленьком городке, где бывал он раз в год, а то и того меньше?

– Знаешь, Дашка, ты сейчас отдыхай, постарайся отключиться от того, что пришлось пережить. Конечно, легче всего раздавать советы... но ты ведь ничего теперь не изменишь. Наши киллеры далеко позади...

– Ты думаешь, их кто-то нанял?

– Нанял или нет – не знаю. Но они почему-то упорно нас преследовали. Мы избавились от них. Пока достаточно и этого. Попробуем разобраться, когда ты придешь немного в себя. Хорошо?

– Хорошо. – Она помолчала. – Артур, я не верю в проводку. Пожар не просто так возник...

– Потом, Дашенька, потом. Ты сейчас строишь предположения на пустом месте, все равно ни до чего не додумаешься. Отдыхай, со мной ты в безопасности.

Она устроилась в кресле, положив голову на спинку сиденья, прикрыла глаза. Небо быстро заполняли темно-лиловые тучи. Вот-вот хлынет дождь. Замечательно. Во-первых, у Даши нет документов. Обычно у пассажиров их не спрашивают сотрудники дорожно-транспортной службы, но мало ли... Во-вторых, в дождь останавливают те же постовые значительно реже. В-третьих, ехать приятней, последнее время жара достала. В-четвертых, Артур любит дождь, он его умиротворяет и успокаивает. Артуру тоже необходимо успокоиться. Хотя его невозмутимость оставалась непоколебима, душу охватила такая паника... нет слов! Подохнуть на дороге от рук мерзавцев – как тут не запаникуешь. Только умение Артура собираться в нужный момент и спасло их. Он всего лишь попробовал выбить из колеи двух подонков обманными маневрами. Вот и выкручивал на дороге кренделя перед «Жигуленком», на сто процентов уверенный в джипе. Удалось. Вывод из поездки: без оружия ездить по родному краю не следует.

Даша заснула. Артур всегда поражался защитным свойствам человеческого организма, способного выставлять заслоны, находить ресурсы и жить. Жить – что может быть важнее для человека? Даша, пережившая страшные дни, еще час назад едва не убитая, спит как ребенок. Внутренние ресурсы не дают ей сойти с ума, защищают. Он перенес ее на заднее сиденье, подsunул под голову куртку. Забарабанили крупные капли и запахло намокшей пылью. Артур поспешил вернуться за руль.

Пирь гсударя

– Отворяй! – колотил служилый в ворота. – Государь в гости жалует!

Вице-канцлер Шафиров, крещеный еврей, заметался по своему большому дому, раздавая подзатыльники нерасторопным холопам:

– Государь с минуты на минуту пожалует, шевелитесь!

Петр любил являться без предупреждения, да не как-нибудь, а с многочисленными сопровождающими. Случалось, хозяевам приходилось принимать до двухсот человек неожиданно-негаданно. А накормить и напоить всех? Так что дом Шафирова ходуном ходил, дворян заполошно визжала, повсюду раздавался топот ног, ставились столы, готовилось съестное.

– Кур рубите, окаянные! – вопил Шафиров дворне. – Да молодых петушков, не старых, чтобы сварились скоро. А покуда на стол мечите все, что в доме имеется! Да! Рыбу пред государем не ставить! У него от нее несварение и вспучивание живота происходит. Скатерти, скатерти новые стелите, бестолочи!

Через час во двор въехал Петр и еще человек сто. Вице-канцлеру повезло принять небольшое количество, а то, бывало, напьются государевы прислужники и творят бесчинства, до поджогов дело доходило.

Петр вошел в дом, за ним его потешка – арап с графитовой доской, на которой Абрам записывал важные мысли, приходившие внезапно на ум государю. Встретил царя вице-канцлер по всем правилам: стол заставлен яствами, на подходе уж и лапша куриная, и пироги, золотую чарку водки лично поднес. Царь выпил, крикнул и приказал:

– Баб зови пить за мое здоровье.

Слово государя – закон, а он всегда баб требовал за стол, так что хошь не хошь – а сажай. Вскоре на одной половине стола сидели мужчины, а на другой – женщины. Абрам откровенно скучал, не любя пьяные разгулы государя, который, напившись, а делал он это часто, становился невменяемым.

– Пейте! – то и дело повторял Петр.

И все безоговорочно выпивали до дна полные чарки водки, а она уж не лезла внутрь. Кое-кто и под стол упал, а царю было все мало, он пуще прежнего веселился.

– А кто та черноокая красавица? – спросил Петр Шафирова. – Почему не пьет?

– То дочь моя, государь.

– Позвать!

Юная Шафирова подошла к государю, присела, не смея поднять глаз на Петра. Тот налил водки добрую чарку, протянул девушке:

– Пей!

– Благодарю, государь, – ответила она, – я не пью.

Абрам со страхом и любопытством изучал девушку, посмевшую отказать Петру. Что-то будет!.. Царь наградил ее пощечинами:

– Скверное еврейское отродье, я научу тебя слушаться!

На щеках девушки алели пятерни, а в глазах дрожали слезы. Она выпила, присела в извиняющемся поклоне и отошла к окну. О, эти черные глаза! Они живо напомнили Абраму сестру Латану. Арапчонок подошел к Шафировой, погладил по руке девушку, та повернула к нему лицо в дорожках из слез и тихо прошептала:

– Мы всегда будем чужими, Абрахам.

Эти слова задержались в его памяти на всю жизнь.

Петр пил еще долго. Абраму страшно хотелось спать, а царь и не думал ехать домой. Дочь Шафирова сидела скромно в углу, Абрам положил голову ей на колени и дремал. Но

вот с удивлением заметил, что царя не стало в трапезной. Уехал, забыв Абрама? Мальчик помчался искать господина. Перебегая с лестницы на лестницу, он уловил ухом глухой голос Петра. Абрам – туда, в закуток под лестницей. Да так и замер в недоумении. Девка в холопском платье сидела у государя на бедрах, бесстыдно выставив ноги, да еще повизгивала:

– Да что же это, Петр Алексеевич... Неужто можно обидеть девушку? Пустите...

– Я тебе колечко подарю, дура, – шептал в запале Петр.

Абрам выпятил нижнюю губу, а плечи поднял к ушам, не понимая происходящего. Петр припер девку к стене и толкал задом, зачем-то кусал ее. Вдруг царь повернул к нему лицо и грозно свел брови:

– Пошел вон, сукин сын!

Абрам поплелся восвояси с выпяченной губой, пожимая плечами...

* * *

Наконец хлынул дождь. Сразу же запахло свежестью, стало легче дышать. Пар костей не ломит? Еще как ломит. Артур неся по трассе, изредка поглядывая на Дашку. Она спала беспокойно...

Артуру везло во всех отношениях: замечательные любящие родители, еще один отец за океаном в стране мечты, ко всем прочим везениям – он спец высшего класса, пред которым благоговеют, по мнению многих – внешне красив, если относиться к цвету кожи нейтрально; несмотря на тяжелое финансовое положение большинства, он имеет деньги. А не сложилось пресловутое счастье. Один приятель-москвич, тоже хирург, на сию тему высказался однозначно:

– Любовь-морковь?... Смешно, честное слово. Для меня больше смысла имеет «морковь» – утоляет голод и содержит каротин. Первое же слово – лишь абстрактный смысл и никакой пользы, напротив, истощает нервную систему, которой и без того достается. Элементарный инстинкт размножения гомо сапиенсы называют любовью. Но когда они кончают жизнь самоубийством из-за так называемой любви, я вижу в них лишь недоразвитость. Стоит ли бесценную жизнь подчинять слову? И это в наше время? Глупо. В мире, помимо любви, много занимательного. От меня требовалось размножиться – я размножился, а совокупляться можно без душевных затрат. Так вот, счастье – это не трепать попусту нервы, то есть жить с максимальным внутренним комфортом.

Артур тогда пожал плечами, мол, как знаешь. Ну, у них там, в Москве, выработан собственный иммунитет против всяческого рода вирусов типа совесть, любовь, порядочность. Нам до них далеко, хотя многим и в провинции с успехом удается избавиться от «лишних» качеств в характере. А пока Артур придерживается иного мнения, правда, насчет секса...

Где-то в классах девятом-десятом на Артура пошла мода. Девчонки с ума сходили, строчили записочки, телефон разрывался от звонков. Отец, наблюдавший за ошалелыми девчонками, четко обрисовал разницу между влечением в постпереходном возрасте и любовью. Кстати, сокровенным Артур делился с отцом, впрочем, так и должно быть. Первый сексуальный опыт, скрыв даже от отца, приобрел с полувдовствующей соседкой старше его лет на пятнадцать, ее муж пропал по полгода в каких-то командировках. В те времена по телику шли лишь пуританские фильмы и в литературе скромно опускались скользкие эпизоды, так что поднабраться опыта было негде, несмотря на научные труды Фрейда и его последователей, которые все же имелись в домашней библиотеке. Естественно, с друзьями Артур часто говорил на волнующую тему, но и это все ограничивалось теорией и мечтами...

Однажды под вечер соседка Рая попросила Артура помочь вбить в стену гвозди. Вбил. И получил столбняк от прижатого к нему женского тела. Поцелуи с привкусом вина и сигарет показались отвратительными. Но при виде обнаженной груди и оголенных ног, он возбудился

чрезвычайно, не представляя, что с «энтим» делать. Конечности одеревенели, лоб покрылся испариной. Рае же было глубоко безразлично, обладал ли юный любовник опытом – она управляла его руками, отдавала команды. Первую позицию изучил «сидя в кресле трупом». Зато Рая, освободив от одежды нужный предмет, издала вопль ведьмы на помеле во время полета. Вскочив на Артура, она прыгала и визжала, а его сковал ужас: на вопли сбегутся соседи, взломают двери, а тут порнография в лучшем виде. Ничего подобного не случилось, но Артур долго не мог прийти к желанному результату, вымотал гостеприимную хозяйку до изнеможения.

Домой он приплелся обессиленный, с неприятными ощущениями гадливости, дав себе слово, что больше никогда этого не повторится. Данного слова хватило на полторы недели. По ночам преследовали обнаженные части женского тела, а по утрам, покрытый липким потом, бежал в туалет. Хотелось, хотелось всегда и везде. Ровно через полторы недели он прятался в кустах, карауля Раю с работы. Артур прождал ее часа три, а около восьми вечера появилась и она, постукивая каблуками и покачивая широкими бедрами с застарелым целлюлитом. Едва открыв двери квартиры, она под сильным натиском очутилась в комнате, затем на диване. Артур яростно срывал с нее вещи, не заботясь о сохранности. Налетчик уже имел представление о сексе, навалился на предмет вождения и старательно ерзал.

В тот день он впервые спал вне дома, а рядом с бабищей под вывеской «Рая». Стоило во сне нащупать ее мягкую грудь, он тут же вскарабкивался на спящую женщину и работал, работал со всем остервенением юности. Но Рая оказалась еще и умной женщиной, укротившей необузданный африканский темперамент Артура. Понимая, что их отношения нельзя назвать романом, она решила из них выжать максимум удовольствия, а потому настойчиво учила юношу обращению с женщиной и разнообразным тонкостям секса. Первое – попросила предупредить о визитах, а не набрасываться, как голодный волк на кусок мяса. Она шла навстречу и во времена приездов мужа, правда, тогда приходилось довольствоваться травой в парках и подъездами в чужих домах.

После пиратского налета на Раю домой Артур явился утром. Он, может, и на день остался бы у соседки, но надо же было в школу собраться – как ответственный человек с детства, Артур без уважительной причины не сачковал. И впервые ему досталось по-крупному. От отца получил затрепину, а от матери – водопад слез. С виноватым видом принял упреки, соврав, что ночевал у одноклассника, дескать, засиделись допоздна, а телефона у того нет. На уроках Артур откровенно спал. Когда учителя будили, поднимал на них виноватые глаза с застывшей болью. Мальчик болен – решила классная и отпустила домой подлечиться. На самом деле болело между ног и казалось, что главный мужской орган распух навсегда.

Больше двух лет продолжались секс-упражнения с Раей. Отцу он рассказал о ней, когда она сделала аборт, сохранив имя в тайне. На следующий же день отец отвел грешника в вендиспансер, а убедившись в исключительно хорошем здоровье Артура, снабдил не только презервативами, но и коротким наставлением:

– Прими к сведению, истинное наслаждение ты получишь только с любимой женщиной. Если ж и она будет любить тебя и хотеть, узнаешь большее, очутишься между сном и явью. Все остальное – удовлетворение похоти, случка, ничего общего не имеющая с любовью. Поэтому будь осторожен в выборе.

Запомнил. Может, потому и миновала его чаша влюбленностей и связанных с ними разочарований, что слова отца навечно врезались в память. Встречая девушек, Артур спрашивал себя: та или не та? Попадались не те. Однажды на него «упала» старшекурсница, затем последовала вторая, третья... Рая не удивилась исчезновению Артура, встречаясь с ним, она здоровалась и приветливо улыбалась. Он был благодарен ей. Потом пересеклись дороги с Дашей.

В институте образовалась группа «не разлей вода» из Артура, Игоря и Кирилла. Походы (включая и по девчонкам), баскетбол, восточные единоборства (на занятиях борьбой настаивал отец, считая, что Артур должен уметь постоять за себя в нашем несовершенном мире),

студенческие тусовки. Ну и корпение по ночам над конспектами и учебниками, хроническое недосыпание, трясучка перед зачетами и экзаменами.

Самым старшим был Игорь, он поступал в медицинский несколько лет подряд. Бесспорным лидером являлся Артур. Внешне малопривлекательный Кирилл немного терялся между двумя рослыми и жизнерадостными, но такими разными парнями. Артур мулат, синеглазый Игорь здорово оттенял друга пшеничными волосами. Щуплый Кирилл, задумчивый и молчаливый – как говорили, «сам себе на уме», – больше наблюдал за спортивными успехами друзей, радовался и гордился их дружбой. Кириллу много приходилось заниматься, к сожалению, медицинская наука давалась ему тяжело. Друзья, естественно, помогали, ведь для того они и существуют.

Кирилл и Артур попали в институт после первого захода, то есть сразу по окончании школы, но при этом родители обоих, несмотря на связи и отличную подготовку мальчиков, дали взятку. В те недалекие времена платное обучение представлялось капиталистическим кошмаром, образование давалось якобы бесплатно, то есть гарантией твоего поступления являлась некая сумма в кармане. Противно, мерзко, а что делать? Мысль об армии приводила в неопишуемый ужас маму и отца: мулат в Советской армии, что может быть хуже? Только белый в гетто для белых при господстве черных. Посему родители подстраховались. Предки Кирилла, видимо, рассуждали подобным образом о своем сыне, который был у них в единственном экземпляре, да еще поздний ребенок. Игорь же, отслужив в десантных войсках, добился зачисления в медицинский своим горбом – родные в свое время не наскребли на взятку. Все трое попали на один курс и в одну группу.

* * *

Дарья всхлипнула, Артур притормозил и обеспокоенно обернулся. Нет, все нормально, она спит. И снится ей что-то страшное, что, собственно, неудивительно после таких событий. Честно говоря, он тоже устал. Одно приключение на дороге чего стоило! Артур съехал на обочину, решив немного – минут двадцать – подремать. Он положил скрещенные руки на руль, опустил на них лоб, а дождь шумно барабанил по крыше...

Однажды под вечер, отдохнув на лоне природы и тем самым отметив переход на предпоследний курс, ребята выпрыгнули из душной электрички. Попрощавшись с однокурсниками, решили, что радостное событие будет неполным, если не принять немного внутрь градусов, ну, совсем чуть-чуть. Куда направить стопы? Конечно, к Кириллу. Его предки только счастливы будут, видя сына перед носом каждую секунду, они и накормят, и нальют. Но на троллейбусной остановке застряли: никак не подкатывал нужный номер.

– Ой, смотрите, какие хорошенькие провинциалочки, – промурлыкал вдруг Кирилл.

– Можно подумать, мы – столица, – пробормотал Артур, поворачиваясь к объекту внимания друга.

Две девчонки с вытаращенными глазами оглядывались вокруг, стоя друг к другу спиной, словно находясь посреди своры собак. Обе плохонько и не по моде одеты, а растерянность в лицах и робость в позах выдавали дремучую провинцию. Видать, сроду трамваев и троллейбусов не видели живьем. Одна – высокая темная шатенка с развевающимися до плеч волосами, красивым румяным лицом, грудастая и бедрастая (но до женщины с веслом не дотягивала, хотя в этом плане у нее имелись перспективы), от нее исходила энергия и сила. Другая – миниатюрная, вариант русской Аленушки: длинная пепельная коса, завитушки вокруг лба, явно накрученные матушкой-природой, а не на бигуди, с большими серыми глазами и, что удивительно, черными ресницами и бровями, будто их нарисовали, от нее исходил покой и уравновешенность. Тут-то и подскочило сердце к горлу Артура, а через мгновение плюхнулось в колени.

– Вам нужна помощь? – спросил он, подойдя к девушкам.

У девчонок челюсти отъехали вниз: почти негр, настоящий, запросто говорит по-русски. Дома слышали рассказы подруг, поступивших в вузы, что там, в больших городах, негров этих тьма-тьмушая разных цветов; синие, черные, как сковородка, темно-коричневые; с приплюснутыми широкими носами, с белыми белками и зубами, с толстенными губами, а ладошки у всех светлые. Этот не совсем соответствовал описаниям. Черты у него вполне европейские, малость покрупнее только, потом, он очень даже светло-коричневого цвета, и глаза карие вместо черных, как смола. Тем не менее перед ними стоял самый настоящий негр со светлыми ладошками и густыми, закручивающимися волосами. Живой, разговаривающий негр! А не из телепередачи «Клуб кинопутешественников». Барышни онемели.

– Артур, ты напугал их, девчонки впервые видят мулата, – сказал, усмехаясь, Игорь.

– Девчонки, не бойтесь, это наш, советский мулат, – ехидно успокаивал их Кирилл, – выращенный на социалистических идеалах, как и вы.

– Чего это вы с нами говорите, будто мы из леса выползли? – обиделась первая.

– Провинция – тот же лес, – промурлыкал Кирилл.

– Очень заметно, что мы из глубинки? – спросила та, что с косой.

– Не очень, – хихикнул Кирилл.

– Да не слушайте его, – вступил Артур. – Вам куда?

Сложно сказать. Приехали поступать в университет на журналистику. Вечер. Знакомых нет. Куда идти? Ничего, ночь пересидят на вокзале, а пока вышли из здания вокзала осмотреться. Артур подхватил чемодан сероглазой:

– Поехали. У нас в доме одна женщина сдает комнату абитуриентам и заочникам. Пове-
зет – останетесь у нее, нет – придумаем что-нибудь.

В троллейбусе перезнакомились. Первая – Марина, вторая – Даша. Устроившись на задней площадке, девушки глядели в окно, стараясь не упустить интересное. Масса народу, широкие проспекты, огромные здания ошеломили их. Не привыкшие ездить на «рогаче», они то и дело теряли равновесие, падали на ребят во время торможения, смеялись. Марина смущалась с кокетливым жеманством одалиски, успевая стрелять глазами направо и налево, а Даша, цепляясь за Артура, не упускала из поля зрения мелькавшие улицы. Она едва доставала ему до подмышек. Глядя сверху на девушку, Артур пересчитал веснушки на ее носу – тринадцать штук, незаметно трогал косу и нечаянно дернул.

– Ты что? – удивилась Даша.

– Как ненастоящая, – виновато оправдался Артур.

Она улыбнулась, а он понял, что сердце его плюхнулось в колени навсегда.

Комната оказалась свободной, хозяйка обрадовалась: все же, когда знакомый рекомендует, значит, не каких-то там привел. Она долго объясняла девушкам, что надо говорить соседям. Артур слушал и усмехался: вокруг все в курсе, что берет тетка квартирантов, но она упорно рассказывает сказки о якобы родственниках, приехавших то поступать в вузы, то на сессию. Зачем?

С тех пор жизнь трех друзей изменилась. Они не расставались, нет, но троица увеличилась до пятерки. На первый экзамен отправились дружно впятером. Дашка медалистка, ей всего-то нужно было сдать один вступительный экзамен, но описать волнение девушки было практически невозможно. Дашу зачислили, а Марина провалилась на том же первом экзамене, но возвращаться домой не собиралась ни под каким соусом. Она быстренько подыскала работу с помощью Кирилла, ну, а точнее – при помощи его родителей, и принялась осваиваться с прелестями большого города.

Минимум раз в неделю друзья встречались впятером на протяжении двух лет. У Кирилла и Игоря шла бескровная война за расположение Марины, отдававшей явное предпочтение Игорю. Но наедине им не удавалось остаться, потому что за Игорем хвостом ходил Кирилл.

Марина уже не походила на дремучую провинциалочку. Приобретя тусклый лоск от шика обеспеченной жительницы большого города, она перекрасила волосы, научилась пользоваться косметикой, «современный» вид ей придавала сигарета. Живя впроголодь, что на фигуре не отражалось, деньги она тратила на модные шмотки, которые приобрести можно было лишь на толчке, встав ни свет ни заря. Как человек тщеславный, она не думала отказываться от журна- листики и корпела за учебниками. Поступила лишь с третьего захода.

Артур свободно общался с Дашей, выкраивая время для встреч и среди недели. Он постепенно приручал ее, избавляя от предрассудков. Получалось. Вдвоем они гуляли в пар- ках, сиживали в кафе (в то время на десятку здорово можно было покутить), ходили в кино... О, как замечательно сидеть в темном зале с хорошенькой девушкой и смотреть какой-нибудь детективчик, когда она, переживая за героев фильма, жметя к тебе ближе и ближе... Особенно Артуру нравилось кормить Дашку пирожными, она могла их слопать жуткое количество.

– Ну ты и сластена, – говорил он, наблюдая за сладкоежкой. – Представляешь, Дашка, к тридцати годам ты превратишься в невообразимую толстуху.

– Подумаешь, – не расстроилась она, – к тридцати годам мне ничего не будет нужно, наступит старость.

Наивное заблуждение Артур не подверг сомнению, так как в ту пору ему стукнуло два- дцать два года, а Дашке вообще едва исполнилось восемнадцать.

Как-то к Артуру подкатила целая делегация из студенческого театра, предложив ему роль... Отелло. Он отказывался, пришлось бы реже встречаться с Дашей, но Даша же и раз- решила проблему, придя в восторг от предложения: она приходила на все репетиции, ждала Артура в зрительном зале. Премьера офигенная была! Артура одели в... Во что могут одеть Отелло в студенческом театре? Конечно, замотали простыней. Дашка прорыдала от начала до конца целых час десять, поскольку трагедию играли в сокращенном варианте. Артур про- сто произвел фурор, когда дико завопил: «Крови! Крови! Крови!» Потом отец сказал, что в этом месте он напомнил ему ротвейлера на цепи, охраняющего мешок картошки. Отец неделю ходил под впечатлением, закатываясь хохотом, повторял без конца: «Лучшей комедии в жизни не видел».

Но это папино, так сказать, восприятие трагедии, остальные остались довольны, высказы- вали восторги, включая Дашку. Нет, здорово он тогда выдал. Но больше решил с искусством не связываться. А после премьеры он танцевал с Дашкой почти в темном зале. Набравшись смелости, Артур поцеловал ее в переносицу... Она словно ждала первого шага, приподнялась на цыпочки, обхватила его шею руками... В следующий момент Артур оторвал ее от пола, и они целовались так, будто перед смертью последний раз в жизни. Он был счастлив...

Накатил и диплом. Все трое защитились, особенно отличился Артур блестящими показа- телями и вытекающей отсюда перспективой. Его ждало не унылое распределение в захолустье, а предложение работать в родном городе и в одном из лучших хирургических центров. Мама подарила квартиру, в которой они когда-то жили до появления Ивана Ивановича. Отец из-за океана передал деньги на машину. Каково? Чем не сказка? Осталось решить вопрос с Дашей, близок час, и их объединит постель, а после она вряд ли отрицательно отнесется к предложе- нию руки и сердца. Хватит целоваться по закоулкам. Так и наступил планируемый момент.

Накануне вручения дипломов друзья собрались впятером отметить начало нового этапа – вступление в самостоятельную жизнь. Мать Артура накрыла великолепный стол и укатила вместе с отцом на дачу, там шло строительство дома. Одновременно ремонтировалось буду- щее жилье Артура, поэтому друзей он встретил в доме, где провел сознательную часть жизни. Марина попала впервые в респектабельный дом, обойдя который, выпалила:

– Ух ты! Пятикомнатный люкс!

Да, по сравнению со многими жили неплохо. Артур одевался с иголочки, чему способствовал заокеанский отец, передавая посылки и «зелененькие» с оказией, о сыне в России он не забывал, в общем, у Артура всегда водились деньги.

Но вот Марина впервые открыла глаза на темнокожего друга, ранее он ее не интересовал. Увидев воочию шикарный дом, прикинула в уме, что из сего может следовать, стоит лишь захотеть с ее-то внешностью... Она повернула вечер в совершенно другое русло. Не заботясь об окружающих и о том, какой дискомфорт создает своим поведением всем без исключения, Марина переключилась целиком на Артура, подчеркнуто оказывала внимание одному ему. Игорь злился, Кирилл тосковал, Дашка растерянно хлопала глазами, Артур терпел, жалея, что затеял пир, и жаждал одного: поскорей избавиться от ребят и остаться с Дашкой наедине. Вечер близился к финалу, снесли посуду на кухню. Артур готовил кофе, а Марина напросилась в посудомойки. Он и не предполагал, во что обернется банальное мытье посуды. Марина вдруг:

– Я тебе нравлюсь?

– Дружбу с людьми, которые мне не нравятся, не вожу, – уклончиво ответил он, хотя в тот момент она ему жутко не нравилась.

– А как женщина?

– Конечно, – решил не обижать девушку.

– Поцелуй меня.

Тут бы и послать ее к чертовой бабушке, помешала деликатность. Он чмокнул Марину в щеку.

– А говорят, вы такие страстные, темпераментные... – разочарованно протянула она.

– Кто это – мы?

– Ну, мулаты, негры... Целоваться надо не так.

Неожиданно она обняла его и изобразила «страстный» поцелуй. Артур попробовал расцепить ее руки, но Марина цепко держалась, пришлось просто переждать.

– Ну как? – спросила она, не выпуская Артура из объятий.

– Впечатляет.

Равнодушно-лживый тон не мог ускользнуть от проницательной девушки, но ничуть не смутил ее. Следующую попытку оболыщения Артур предотвратил:

– Маринка, я не соперничаю с друзьями.

– Брось, ты просто без ума от Дашки, так? И чем же она лучше меня?

Хлопнула входная дверь. Интуитивно он почуял неладное. В гостиной ребята с кислыми лицами рассматривали журналы, звучала музыка, Дашки не было. Артур бросился вдогонку. Она не успела убежать далеко, обогнал ее и преградил дорогу.

– Оставь меня, – оттолкнула его Даша.

– Я тебе все объясню...

– Не нужны мне твои объяснения. Прощай.

– Дашка, глупенькая...

– Никогда больше не приходи ко мне. Никогда!

Удержать ее он не смог. Далее еще интересней разворачивались события, крыша ехала от непонятностей. Марина скоростно выходит замуж за... Кирилла. Игорь в расстроенных чувствах запил. И вдруг! Дашка выходит замуж за Игоря! Артур в полнейшем тупике до сих пор находится – как это произошло. Он просил Марину рассказать подруге правду, на что та ответила:

– Нет, дорогой. Ты проявил слабость, ты и объясняйся.

Он ненавидел ее. Дня за три до свадьбы все же отловил Дашку.

– Не делай глупостей, – сказал, – я люблю тебя.

– Твою любовь я видела, – расплакалась та.

– Неужели идиотский эпизод, в котором моей вины нет...

– Если ты сейчас обманываешь, что потом будет? Уходи.

Артур испытывал настоящую муку, присутствуя на свадьбе. Даша тоже не была похожа на счастливую новобрачную, а Игорь нализался вусмерть. «Из этого ничего хорошего не выйдет, – думал Артур. – Подождем». Потом он не видел всех месяца три, Даша с мужем уехала к маме, Артура отправили в Москву на стажировку. Вернувшись, он первым делом разыскал ее. Она была подавлена и с такой невероятной грустью в глазах, что он не удержался:

– Долго будешь дурью маяться? Ты же несчастлива. Уходи от Игоря, пока не поздно.

– Поздно. Я беременна.

Больших усилий стоило не впасть в депрессию, благо, занимался любимым делом, а это неплохое лекарство. С друзьями Артур прекратил всяческое общение, так, иногда, раз в год, перезванивался с Кириллом, но от встреч отказывался. Игорь работал в госпитале почти на окраине города, Артур – в центре, Кирилл... С ним дело обстояло сложнее. Когда на столе пациенты мрут один за другим... у Кирилла появился страх перед операционной. Но, на его счастье, пошла чехарда в стране, позволившая переключиться на иное поле деятельности. Отец Кирилла – важная «шишка» в городе – приложил лапу к снятию заведующего аптеками, а на теплое место пристроил сына. Люди хотят жить, за здоровье готовы выложить последнее. На этой страсти и сколотил состояние новый нувориш.

Как-то Артур встретил на улице Дашу с четырехлетним сыном. Она обрадовалась, а он огорчился: не прошло, не вылечился. Даша изменилась, похорошела (к глубокому огорчению Артура), движения ее стали мягче, девчоночья угловатость исчезла, но умные глаза счастьем не светились. Часа три они гуляли, сидели в кафе, болтали. Маленький Никита покорила Артура, впоследствии они стали друзьями. Возвращаясь из различных поездок, Артур не забывал привезти подарок Никите, вез подарки и Даше, но ни разу не отдал их ей, они так и лежат на антресоли. Оказалось, что и Даша с Игорем не поддерживали отношений с Кириллом и Мариной. По инициативе Даши пятерка вновь стала видаться, только друзьями их сложно уже было назвать, скорее приятелями. Игорь попивал, попивал прилично. Когда же Артур застукал его в постели с другой... И где?! В собственной квартире! Дашке он ни словом не обмолвился, хотя язык чесался, – вдруг неправильно поймет. Решил: пусть катится, как катится, все равно когда-то всплывет, потому что долго так продолжаться не может.

Артур встрепенулся – нет, не получится вздремнуть, лучше уж ехать вперед.

У Филиппа Орлеанского

Во второе путешествие по Европе Петр взял с собой и двадцатилетнего арапа. Европа поразила Абрама, как когда-то снег. Она слишком разнилась с Россией, ее хотелось понять, многому поучиться...

В честь государя загадочной России Филипп Орлеанский – регент при малолетнем Людовике XV – давал бал в Пале-Рояль. Свиту царя Петра во дворце встречали со всей торжественностью и пышностью, какую можно представить. Царь велел идти за ним по правую руку Абраму, а по левую – переводчику князю Куракину, остальным держаться немного сзади, но не отставать. Взглянув краем глаза на Меншикова, Абрам не без удовольствия заметил про себя: «Ишь, как рожу-то козлиную перекосило! Все норовит Петром управлять, да не выходит. Из грязи в князи скакнул, а неучем был, неучем остался, дубина». И правда, Меншиков с трудом скрывал досаду на государя за пренебрежительное отношение. Впрочем, Петр никогда не считался с правилами этикета, делал так, как считал нужным. И на себе Абрам поймал гнусно прищуренный глаз Меншикова, ненавидящего всех, кого Петр приближал к своей царственной особе, а последнее время арап являлся личным секретарем царя, пользовался его доверием.

Русские вельможи воочию увидели великолепие французского двора. Огромные резные двери открывались словно сами собой, на широких, устланных коврами лестницах стояли лакеи в камзолах и париках, картины, изысканная мебель, наряды дам, которые чувствовали себя на равных с мужчинами... Ничего подобного в России не было. Петром дано было строжайшее указание: не выставлять себя дикарями, рты не разевать на красоты французского двора, а держаться с достоинством. Да где ж тут удержишься при виде эдакой роскоши! У них даже пол, что зеркало, – бери и глядись в него!

– Ничего, Абрашка, – сказал Петр вполголоса, – у меня в Петербурге будет дворец не хуже, а то и лучше этого.

В парадной зале у Абрама зарябило в глазах от обилия дам, разноцветных одежд, сверкающих драгоценных камней. Регент встретил государя стоя и с поклоном – правильно, он все же не король, а всего только регент. Тем временем государь и его свита чинно пересекли зал, обменялись приветствиями. Начался бал. Дамы проносились в танцах по зале, подпрыгивали и подскакивали, изящно поворачивались, отчего пышные юбки приподнимались, а под ними мелькали маленькие ножки. Абрам, представленный приемным сыном русского государя и эфиопским князем, пользовался повышенным интересом, возбуждал любопытство аристократов. Он же ничего, кроме дам, не видел, растерялся: какая ножка, туфелька, личико прекрасное. Однако арап отметил, что Меншиков накуксился, ибо на второе место после государя вышел не он, а Абрам. Лакеи подносили на подносах прозрачные бокалы с вином. Поскольку у Абрама в голове образовалось кружение, он задержал за рукав лакея, выпил один бокал, не сводя глаз с дам, затем второй, надумал взять третий...

– Слышь, Абрашка, – шепнул царь, – а не устроить ли и мне у себя в России подобное? Бадам прикажу в платье французском эдак выплясывать, а то сидят дома, как куры на насесте. Как думаешь?

– Что ж, было бы славно, – ответил юноша, пожирая глазами сразу трех мадемуазелек и вожаденно слотнув, как удав, заприметивший добычу.

– Рот закрой, – тихо приказал царь, – мы не варвары. И не пей, покуда не разрешу, скотина.

Бесполезно приказывать, Абрам тарашил глаза как истинный дикарь. К счастью, государя отвлек регент, а к арапскому князю подплыла красивая особа в розовом платье и таком же розовом парике. Вообще-то они здесь все были на одно лицо: одинаково красивы. Она защебетала, увлекая Абрама за собой, а он отвечал ей на ужасном французском, смешившем ее. Сооб-

ражал Абрам совсем плохо, видя лишь выпуклости, бесстыдно выступающие над декольте, но это было не все. Дама не только смеялась очень смело, она жеманничала, кокетливо шурилась, смотрела прямо в глаза, чего наши девки и бабы не делали. Воспитанный в русских традициях, Абрам понял поведение дамы однозначно: хочет. Он, само собой, тоже не прочь. Только вот где? Плелся за ней по залам, останавливался у картин, вроде бы слушая ее, сам же выискивал удобное место, изнемогая от нахлынувших чувств.

Наконец они очутились напротив небольшой комнаты почему-то без дверей, а там находился крошечный диван-канapé. Абрам сгреб даму в охапку и потащил туда. Черт возьми, она принялась брыкаться! Это все притворство, решил Абрам, разве ж так отбиваются? Вон в России девки: коль не хочет, кулаком сразу в рожу как даст, аж зубы потом крошатся. Он лишь утвердился в правильности намерений, поэтому яростно добивался своего. Изнеженная дама выбилась из сил и сдалась, продолжая ругать страстного юношу:

– О боже мой!.. Вы варвар! Что вы со мной сделали! Негодяй!.. Куда вы так торопитесь, черт возьми?..

Куда? Весьма странная особа! Войти же могут – двери-то нет! К тому же на канapé неудобно, дополнительные трудности доставлял кринолин – проклятые обручи и юбки то закрывали даме лицо, то давили... Оказалось, Абрам торопился не зря. Не успел он встать с... пардон, с дамы, как вдруг появился женоподобный кавалер в кружевах и подвязках. Он удивленно и возмущенно воскликнул:

– Мой бог! Что здесь происходит?

– Вы разве не видите? – пожала плечами дама. – Мы беседуем.

Маркиз, или черт его знает кто, бросился с кулаками на Абрама, грязно ругаясь. Тот не стал ждать, когда его побьют, а чисто по-русски двинул в челюсть невольному свидетелю. Кавалер влетел в стену, затем рухнул на пол и затих.

– Кто он? – спросил Абрам, наклонившись над бесчувственным телом.

– Мой любовник, – ответила равнодушно она.

Нравы при французском дворе были весьма и весьма свободны; не иметь любовника являлось делом неприличным, вот два или три – вполне нормально. Так что, вкусить от русского царского пирога, пусть даже подгоревшего, – дело престижа. Абрам помог даме запихнуть грудь в декольте, и вдвоем они вернулись в залу.

– У вас неплохое чувство ритма, – шепнула она, прячась за веер. – Однако далеко до идеального. Заходите, мы поупражняемся...

...Ух, до чего ж приятная штука – удовлетворение плоти! Довольный Абрам пересекал залу, алчно отыскивая еще какую-нибудь маркизочку – аппетит же приходит во время еды. Приблизившись к царю и регенту, услышал, как Петр хвастал:

– Русские – искусные подражатели во всем. И преуспели во многих видах человеческой деятельности. Нынче не хуже Европы строят корабли, делают оружие, шьют башмаки, рисуют картины.

– Простите, ваше царское величество, – снисходительно улыбнулся регент, – они это делают, согласен, но с помощью Европы. У нас в Европе сложились традиции мастерства. Пока в России осваивают наши достижения, мы идем дальше.

– А мы вскорости обгоним вашу Европу! – не унимался Петр, любивший спорить. – Да у меня талантами кишит вся Россия.

– Да? – недоверчиво и с долей сарказма приподнял брови Филипп Орлеанский. – Что, все-все талантливы, до единого?

– А что? – набычился царь.

– Почему же вы так плохо и бедно живете?

– А потому, что всякие там Европы с Азиями зубами алчно клацают и норовят кусок от русской карты оттяпать! У нас, почитай, ни одного года в покое не проходило, все воюем

на четыре стороны, не то что государства Европы. И знаешь, регент, что я тебе скажу? Проехал я по всей Франции, а богатства среди простого люда тоже не видывал. У вас тоже живут плохо и бедно! – заключил царь тоном, не требующим возражений. Потом лукаво взглянул на Абрама, снова к регенту обратился: – А не выпить ли нам где-нибудь в месте уединенном? Вот и посмотрим, кто кого обгонит.

– Прошу в кабинет, – радостно согласился регент, видимо, ему надоело спорить с грубым и упрямым русским царем.

– Абрашка, за мной! – приказал Петр. – Куракин тоже. Меншикова позовите.

Такого обилия вычурной мебели и различных предметов роскоши непонятно для каких целей Абрам сроду не видел. Мда, дворец Петра по сравнению с резиденцией французских королей – нищая изба.

– Принеси-ка водки, друг Меншиков, – приказал Петр, нанеся тому еще одну обиду.

И пришлось Меншикову взять на себя обязанности чашника, а по-новому, так лакея: подносить, наливать, сзади стоять. Абрама же царь усадил рядом. Подняли чарки.

– Ну, давай, Филипка, по-нашему, по-русски, то есть до дна! – фамильярно предложил царь.

Регент хлебнул и глазенки на лоб выкатил, но Петр своим примером показал, как и сколько пьют настоящие мужчины. Герцог выпил до дна, лицо его моментально покраснело, длинный нос в особенности, а глаза лихорадочно заблестели. И вдруг в кабинет ворвался... кавалер! Понять его было невозможно из-за выбитой челюсти, он зло указывал на арапа, потрясал руками... Абрам виновато и глупо улыбался.

– Ты что, паскудник, успел натворить? – сквозь зубы процедил Петр. – Иди, мерзавец, улаживай дело.

Абрам вместе с извинениями отдал кольцо с изумрудным камешком, и расстались они с кавалером вполне дружелюбно. «Значит, баб своих они продают, – сделал вывод Абрам, возвращаясь в кабинет, – а от шпак с удовольствием отрекаются».

А регента развезло... немисливо! Беднягу водило из стороны в сторону, но он упорно пытался допить чарку под смешки Петра:

– А ты закусывай, Филя, закусывай, а то с непривычки дуба дашь.

– Скаж-жите, с-сир... – едва ворочал губами герцог Орлеанский, – про вас ходят с-слухи, будто вы пользуетесь ус-слугами, пардон, прачек. Вы, правда, с ними спите?

– Истинная правда, – ухмыльнулся Петр, ибо и во Франции он не гнушался низшим женским сословием. – А что?

– Вы доверяете свою царственную особу прачке?! – поразился регент.

– Ты же портки свои им доверяешь? Вот и я доверяю.

– С грязной прачкой?

– Отчего с грязной? – искренне удивился Петр. – Она день целый в воде полощется.

– Н-нет... У меня две фаворитки... из-зумительные женщины. Обе из высшего с-света. Такие рос-скошные, я скажу...

– Ты, Филя, на своих баб тратишь тысячи франков, которые можно и должно употребить на дело, а мои бабы мне обходятся даром и довольны. Да к тому же твои любовницы поносят тебя на чем свет и на всех углах, ты просто не знаешь.

– Мерзавки! – рассердился герцог и был очень смешон. – Слушайте, с-сир... может, и мне с прачкой... попробовать? С-сейчас же подать мне прачку! Ой... все кружится... Мне дурно... дурно...

Выпивка и закуска, не найдя достойного места в желудке, полезла из регента наружу. Беднягу уволокли слуги с предельной осторожностью, а Петр воскликнул:

– Обрегентился регент! Поехали к себе в отель «Ледигьер», Абрашка.

– А бал? – расстроился Абрам, рассчитывающий на адюльтер.

– Ну его к черту, бал...

* * *

– А где Игорь Николаевич и Никитушка? – спросила соседка-«крыса», отдавая ключи.

– Погибли, – устало бросила Даша.

Соседка ахнула, потом в ее зрачках промелькнуло недоверие, она открыла было рот, чтобы что-то сказать, но Артур приложил палец к губам и кивнул головой: мол, это правда. Соседка перекрестилась, собралась пустить слезу, на что Артур опять сделал ей знак – не надо. Даша не видела молчаливых переговоров, а открыла двери квартиры и вошла в свой опустевший, ставший ненужным дом. Присев на край подлокотника кресла, она рассматривала стены, где висели фотографии – она и Никита, Игоря нет на снимках. Этого просто не может быть... Или никогда ничего не было? Как вообще жить после такого? Нет ни слез, ни сил, ни желаний...

Артур, некоторое время наблюдавший за ней, решительно задвигался по комнатам. Нашел баул, из шкафов туда посыпались вещи Даши: платья, белье, костюмы, в общем, с полок сметалось в баул все подряд. С туалетного столика он сгреб различные пузырьки и склянки, из ящичков высыпал содержимое. Вторую сумку заполнил еще и обувью.

– Поехали, – сказал он, держа сумки в руках.

– Куда? Я уже приехала, – отрешенно ответила она.

– Тебе нельзя здесь оставаться одной. Поедешь ко мне.

– Не могу, – очнулась Даша. – У тебя своя жизнь, я не вправе...

– Только без словесных экзерсисов, – покривился Артур. – Вставай.

– Нет. Мне надо привыкать...

– Ты будешь делать то, что я скажу. Не пойдешь добровольно – применю силу. Выбирай, но будет по-моему, только так.

Даша оценила упрямство в лице друга, кстати, слов на ветер он не бросает, потому она нехотя встала, немножко задержалась взглядом на фотографиях сына и последовала за Артуром. Все равно... Теперь все, все равно.

Дома он отправил ее в душ, освободил полки в шкафу – туда сложит сама то, что посчитает нужным, поставил на плиту чайник, принялся готовить ужин, ведь голоден чрезвычайно. Артур бытовые проблемы решал быстро. Поскольку тратить время на приготовление еды не любил, он завалил кухню электроприборами, которые прекрасно экономят время. В микроволновку закинул два куска мяса, раскрыл купленный уже в городе нарезанный «ленивый» хлеб...

– У тебя есть бинт, зеленка и пластырь? – спросила Даша, выйдя из душа в халате и намотанном на голову полотенце.

– Конечно. А зачем тебе?

– Повязку на бок сменить. Я говорила: стеклом порезалась.

– А, да-да, помню. Разреши, я посмотрю?

– Нет, я сама. Пустяки.

– Даша, Даша... я все-таки врач, – улыбнулся Артур.

– Ну и что? Для меня ты не врач.

– Интересно. А кто тогда?

– Мужчина. – Она смутилась, раздраженно добавила: – Друг. Непонятно?

Упрямый наклон головы вперед и несколько набок, широко раскрытые глаза также сверкали упрямством. Все это хорошо знакомо ему. И еще за этим упрямством он видел обыкновенное стеснение, Дашка его стесняется, выражаясь простецким языком.

– Дашка, в тебе живут одни предрассудки...

– Знаю. Еще я – дремучая провинциалка. Так ты дашь бинт и зеленку?

Снабдив необходимым, он предоставил ей возможность самостоятельно копаться в боку, а тем временем перенес еду в комнату, включил телевизор и со стоном удовольствия растянулся в кресле. Чего-то не хватает, факт. После приключений на дороге и связанных с ними переживаний не помешает грамм сто пропустить. Через несколько секунд Артур вертел в руках бутылку коньяка, рассматривая этикетку. Ого! Коньяк что надо! Кто же это преподнес? Не помнит. Разве ж всех упомнишь? Если бы пойло, преподносимое в знак благодарности больными, выпивалось полностью, ни одного врача в живых не осталось бы, все вымерли бы от алкогольной передозировки. Рядом расположилась Даша, взглянув на сервированный низкий стол, она вздохнула:

– Мне что-то есть не хочется. Совсем.

– Дашка, ты и так доходягой смотришься. Не будешь есть – превратишься окончательно в дистрофика. Это я тебе как врач говорю, несмотря на твое негативное отношение ко мне как к врачу.

– Неужели все кончилось, Артур?

Серые глаза смотрели с надеждой и страхом. Он взял ее за руку, поцеловал пальцы, не решаясь с ходу приступить к вранью, поскольку в то, что сказал после паузы, не верил:

– Все позади. Они остались там, на дороге, без сознания. Сюда не приедут. Ни о чем не беспокойся, Даша, бояться нечего.

– Тебя сегодня чуть не убили, – сказала она сквозь слезы. – Я виновата. Я не должна была... Прости, я не подумала...

Две круглые слезы все же покатались по щекам. Артур пересел к ней на диван, обнял за плечи:

– Дашка, отключи водопровод от глаз. И вообще, чуть – не считается. На, выпей. Пока не выясню твое состояние, психотропных средств не дам. Это на данный момент лучшее лекарство. Не веришь? Спроси у более авторитетного врача. Пей, расслабишься и уснешь.

– Мне страшно...

– И со мной?

– Нет, с тобой нет. Но все равно страшно. Не понимаю... Причина... В чем причина? Я хочу знать, за что...

– Успокойся, Дашенька, пройдут твои страхи, пройдут.

Ему тоже страшно, потому что он теперь знает: выстрелы на дороге не закончились, все впереди. Ладно, в запасе минимум недели две, но минимум! Можно рассчитывать на более длительный запас времени, судя по состоянию двух ублюдков, брошенных на дороге, а там – кто его знает... С чего-то надо начать поиски концов. А в руках только паспорт... Паспорт и поставил Артура в тупик, он же заставил поверить в спланированную акцию против семьи Дарьи. И разумеется, ему тоже хотелось бы знать – в чем причина.

Даша спала в соседней комнате, а он разглядывал фотографию стрелявшего парня, изучая каждую букву.

Гарелин Павел Устинович. Красивое лицо, цепкий, с прищуром, взгляд. Слегка волнистые черные волосы, волос много. Тонкие губы, уголки опущены немного вниз. На подбородке ямочка, густые брови сведены. Напряжены скулы, следовательно, для него обычное дело сжимать зубы, хотя это может оказаться и не так, просто парень зажимается перед фотообъективом. Ему двадцать шесть лет.

Ну и самое интересное. Родился этот Гарелин... Выдан документ... Прописан... здесь, в городе! Он вернется. Вернется домой. Вернется и выйдет на охоту. Чем ему насолила Даша – загадка, но приходил он в больницу ее добить, следовательно, дело не в проводке. Ко всем прочим неприятностям Артур тоже успел завоевать его нелюбовь. Гарелин будет их искать. Дашка этого человека вообще не знает. Значит, Игорь? Игоря нет в живых. Значит, Гарелин...

Кто он, совсем еще молодой, пустивший в душу дьявола? И где находится душа? Артур ежедневно видит внутренности людей: почки, печень, сердце, легкое – каждый орган держит жизнь. А души не видел. Где же тот орган, который руководит нами, заставляет признавать человеческий кодекс или толкает на чудовищные поступки, никак не соизмеримые с понятием «человек»? Почему мы такие разные, имея одинаковые признаки? Неужели все дело в душе? Так где же она и почему болит, почему умеет ликовать, ненавидеть и бывает опустошена?..

Артур прислушался. Даша металась во сне, произносила непонятные слова, что-то связанное с вертикалью. Неслышно он подошел к ее постели, присел на край. Может, это душа вырывается наружу, которой тесно и жутко. Тело спит, а душа находится в недавно пережитом кошмаре.

– Даша... Дашенька... – тихо позвал Артур, дотронувшись ладонью до ее щеки.

Встрепенувшись, она сразу села. В этот момент показалась красивой как никогда... И зануло где-то внутри, тоже душа?

– Ты кричала во сне, я решил разбудить... – оправдался Артур.

– Да? Мне снилось страшное... но я не помню, что. – Она вытирала покрытый испариной лоб.

– Ложись, я посижу с тобой.

– Нет-нет, ты должен отдохнуть. Я столько доставила тебе хлопот...

– Ложись, ложись. Мне лучше не перечить.

Она послушно улеглась, держа Артура за руку. Он мог бы успокоить Дашку по-другому, ей нужна любовь и нежность, впрочем, как и ему, и многим-многим. Теперь-то не отпустит ее ни за что и никогда... Вот и настал момент. Момент? Выходит, он в глубине души радуется гибели Игоря? Путь свободен? Пошло звучит, пошло и подло. Значит, душа его черна, как и наружность?... Странно устроен мир.

Выбор сделан

– Дозволь с просьбой обратиться, государь, – сказал Абрам, набравшись храбрости перед самым отъездом в Россию в отеле.

– Да уж позволяю.

– Учиться хочу здесь точным наукам, военному делу и фортификации. Видал я по всей Европе укрепления, добротнo слажены, а мне понять охота секреты ихние.

– Бросить меня хочешь? – огорчился Петр.

– Что ты, батюшка! Нешто подумать такое можно про меня! Дань отдать хочу второму Отечеству, приютившему меня. Да и вырос я из пажей-то. Ты же ведаешь, как я до знаний охоч, сам тому учил.

– Ага. И научил кой-чему ненужному, например, баб зажимать где ни попадя.

– Ворочусь в Россию, службу сослужу Отечеству, – уговаривал Абрам. – Других-то посылаешь...

– Другие к сердцу не припали... – Затем он подумал, нехотя сказал: – Ну, добро, оставайся. Я позабочусь о платье и деньгах. Но гляди, Абрашка, денег мало присылать буду, как всем, на них не разгуляешься.

Арап упал на колени, целовал руки отцу и государю. В июне он провожал царя домой, слушая последние его наставления:

– Гляди, Абрашка, наделай им арапчат побольше, пуцай знают наших! Ну, прощай. Бог тебе в помощь. Не забывай, что дом твой подле меня, в России. А оно ведь везде хорошо, а дома все же лучше.

Обнялись. С неохотой расставался великий русский царь с воспитанником и любимцем. У обоих навернулись слезы, но оба задавили их гордостью. А через месяц Абраму Петрову исполнился двадцать один год.

И потянулись месяцы учения во Франции. Почему потянулись, а не летели?

– Абрахам! – стучала в комнату хозяйка утром, днем и вечером. – Абрахам, вы задолжали за квартиру. Откройте! Я знаю, что вы дома!

Он делал так, как большинство без гроша в кармане: вылезал в окно, дабы не встречаться с хозяйкой.

– Абрам Петров, вы должны за обучение, – говорили преподаватели точных наук в университете.

– Господин Петров, я не могу больше отпускать вам в долг, – говорили булочник, молочник и мясник хором, когда он отправлялся за продуктами.

Долги, безденежье, пустой желудок. Петербургские чиновники постоянно задерживали пересылку денег, которых без того не хватало. При обмене русских ефимок на французские бумажные деньги сумма получалась ничтожная. Привыкший ни в чем не нуждаться у Петра, Абрам не предполагал, насколько тяжела окажется жизнь в Париже. Несмотря на то что Петр представил его с надлежащими рекомендациями высокопоставленным вельможам, никому до него не было дела. Это лишь открыло двери модных салонов и гостиных, спесивая французская знать не смотрела на него свысока и как на раба. Впрочем, в салонах он являлся игрушкой аристократов: черный принц, русский негр – что может быть забавней? Да и на улицах Парижа всегда оказывался в центре повышенного внимания.

– Мы всегда будем чужими, – звучали не раз слова дочери вице-канцлера.

Он был чужим в России, чужим во Франции. Но Россия... не была чужой. Теперь вместо песков и берега Африки он видел иные картины, щемившие сердце: снег, леса, поля с запахом терпких трав. Он тосковал по России, языку, Петру. И когда удавалось напиться, пел русские песни. Он получил точное прозвание: русский негр.

Да, двери салонов были открыты для приемного сына царя, но вскоре ходить туда он не смел. Износилась одежда, а в потертом платье среди расфуфыренных аристократов, презирающих бедность, неловко появляться. Это не Россия, где плевать на одежду, лишь бы умишко имелся, где сам Петр хаживал в заплатах. Это Париж, где мода изменчива, а вкусы изысканны. Правда, дамы были не столь щепетильны, особенно по ночам. К тому же они иногда поили шампанским, а шампанского Абрам мог запросто ведро выпить, и кормили всякой дрянью: бисквитами и шоколадом.

Вот когда он пожалел о колечке с изумрудом, отдать целое состояние за паршивую возню на канаве! Иногда удавалось стащить на рынке початок кукурузы, головку салата, но он же, в конце концов, не кролик! Желудок и кишки требовали: дай, дай, дай... Забросить туда кусок мяса удавалось не всегда, а от капусты и салата только больше в животе урчало.

Несчастный случай отменяется

– А по коридору идет наш Мерс (Мерс – кличка хирурга Артура Ивановича от «Мерседеса», он так на него похож). Широкий шаг и развевающийся халат отождествляют его с божеством ветра... или огня... или еще какой неизвестной стихии.

Валя, операционная сестра, войдя в ординаторскую, пропела сообщение об Артуре исключительно для Женьки, изучающей в зеркальце новую помаду на губах, не оставляющую следов, как говорилось в рекламе. Ольга, врач-хирург тридцати двух лет, не хватающая звезд с неба, листала со скуки журнал. Больше никого не было, можно всласть посплетничать.

– Артур Иванович? Он же отпросился на три дня, – сказала Ольга.

– Не знаю, не знаю. Его спутать с другим мужчиной невозможно, – так же нараспев, ответила Валя.

Женька спешно принялась наводить марафет: бегло осмотрела лицо, взбила густую челку, встала, оправляя халатик, стянутый на талии поясом.

– Не спеша чистить перышки, – промурлыкала Валя, – он не сюда направил стопы, к Старперу.

Старпер – заведующим Георгий Денисович, человек настроения, вредный, деспотичный, с допотопными взглядами. Обновив медперсонал (многих сотрудников отправил на пенсию, но не себя, разумеется), он сменил старых на молодых, которыми легче управлять. Некоторых, как ходят слухи, принял на работу за определенное вознаграждение. Особую лютость проявлял в отношении одежды. Во-первых, он требовал от медперсонала носить белые халаты, давно ставшие неактуальными, считая, что в больнице все должно быть стерильно, следовательно, цвет тоже. На операцию – пожалуйста, надевайте сине-зеленую униформу, а за стенами операционной – нет, и точка. Во-вторых, он непримирим в отношении коротких халатиков:

– У меня (У меня! Каково?) не подиум, – выступал Старпер перед строем молодых, большей частью длинноногих девушек. – У меня тяжелобольные, прикованные к постелям люди. Ходите тут своими ногами! Руки поднять не можете – белье сверкает. О чем думает больной мужчина, глядя на вашу нижнюю часть? Да, да, о том самом! А ему покой нужен. Удлинить до колен! Нет, ниже колен. Оборку пришейте. Чтобы завтра же...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.